

Ольга Тарасевич
Крест Евфросинии Полоцкой
Серия «Артефакт-детектив»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=165337
Крест Евфросинии Полоцкой: Эксмо; М.: 2007
ISBN 978-5-699-24457-7

Аннотация

Крест Евфросинии Полоцкой поражает воображение. Крупный, чуть розоватый жемчуг, как роса, окаймляет золотую пластину. Зеленее травы изумруды, краснее крови рубины, синее неба сапфиры. Но всякого, кто прикоснется к кресту с недобрыми намерениями, постигнет судьба Иуды. Этого проклятия испугался даже Иван Грозный. Однако московские ребята-студенты, жаждущие славы Дэна Брауна, решили разыскать исчезнувшую святыню. И заплатили за это своей жизнью. Писательнице Лике Вронской и ее приятелю, следователю Владимиру Седову, нелегко вычислить убийцу. Криминал, церковь, ФСБ – кажется, у всех есть свой интерес в этом деле...

Содержание

ЧАСТЬ 1	4
Глава 1	6
***1	6
***2	10
***3	13
***4	14
***5	17
***6	18
Глава 2	21
***1	21
***2	25
***3	28
***4	29
Глава 3	35
***1	35
***2	37
***3	39
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Ольга Тарасевич

Крест Евфросинии Полоцкой

Александру, с признательностью и любовью.

Все события вымышлены автором. Все совпадения случайны и непреднамеренны.

Сюжет книги связан с историей православной церкви. В ходе работы над романом мне пришлось общаться с монахинями и священниками, и возникло впечатление, что любое художественное толкование канонических событий для глубоко верующих людей неприемлемо. Но я очень старалась, чтобы книга получилась светлой, а упоминаемое в ней зло было лишь объективным отражением жизни, в которой немало грехов и ошибок. Если же цель осталась недостигнутой и что-то будет восприниматься оскорбительно, я приношу свои глубокие извинения.

ЧАСТЬ 1

Он, Москва, 2007 год

Весна, даже московская, наполняла его сердце чарующим умиротворением.

Да, в Москве пыль, смог. Шум вечно текущих по проспектам автомобильных рек. Суебивые толпы людей, разбивающие утреннюю тишину звонками мобильных телефонов. Яркий неон рекламы, пожирающей сиреневую вуаль первых теплых сумерек.

А природа все равно упрямо прорастает через тлен мегаполиса. Взорвались салатными комками почки деревьев. Красно-желтые пятна – тюльпаны, нарциссы раскрасили клумбы, нежатся на солнце. Сквозь истошный скрип тормозов авто как звоночки, как колокольчики заливаются птички. Тонкие голоса, пронзительные трели. И все это так прекрасно, что душа распускается, подобно цветку. Раскрывается, радуется. Воистину непостижимо щедр этот мир! Как прекрасно – жить, видеть. От умиления жизнью, от восторга, от красоты и преклонения замирает сердце, сбивается дыхание.

Он не любил такое настроение. Но ничего не мог поделать: неожиданный ливень всегда внезапен, холодит, отрезвляет. Очищает? Нет... Болото нельзя вычистить. На свалке не бывает порядку. Эпидемия распространяется быстро, заполняя всех и вся.

Не без сожаления он закрыл жалюзи, отгородился от оранжевых полос заката в наливающейся темнотой небе. И щелкнул пультом телевизора.

Красивая темноволосая женщина со строгими глазами гневно сообщила: в Эстонии все же демонтировали памятник Бронзовому солдату. Зато Президент России распорядился оставить советскую символику на Знамени Победы.

«Игры, все одни игры, – с раздражением подумал он. – Как будто бы никто не догадается, почему самая многочисленная фракция в Государственной думе принимала такое решение. Все это уже было много-много раз. Хороший царь, плохие бояре. И никого не волнуют переживания ветеранов, думавших накануне празднования годовщины Победы, что их знамя уничтожено».

С экрана телевизора, разрывая на клочки человеческие судьбы, гремели взрывы очередных терактов.

Аварийная посадка самолета, массовое заражение гепатитом...

«Это агония, – мысленно констатировал он. – Последний стон угасающего мира. Но все равно надо пытаться отсрочить катастрофу».

От недавнего умиления в душе не осталось и следа.

Он выключил телевизор, подошел к письменному столу, отодвинул высокую стопку книг и включил компьютер.

Очень сложно было научиться пользоваться этой техникой. Потом стало боязно: а вдруг этот способ поддержания связи небезопасен, и содержание его разговоров узнают посторонние. Он до конца не понимал, как удастся обеспечить конфиденциальность. Но его заверили – оснований для беспокойства нет.

Многочисленные пользователи уже находились в он-лайне. Рядом с их никами указывались города: Москва, Санкт-Петербург, Сочи, Красноярск, Самара.

Его всегда радовала столь обширная география. Причины, по которым в организацию приходили люди, были самыми разными. Кто-то искал правду, кто-то бежал от разочарования, кто-то хотел денег. Очень мало посвященных четко знали о том, над достижением какой цели ведется работа. Но сама цель – о, это единственно правильный ориентир в совершенно неправильном мире!

«Приветствую вас! Какие новости?»

Он отправил первое сообщение и сразу же нахмурился.

Из Москвы поступила тревожная информация. Надо было срочно что-то предпринимать. Потерев ноющее колено – застарелая травма мениска давала о себе знать, – он встал из-за стола и, расхаживая по комнате, погрузился в обдумывание плана...

Глава 1

***1

Полоцк, 1116 год

Как она жила прежде без книг? Неужели это было: сплошные ровные рядки букв на пергаментной странице, и ничего не понять, не разобрать? Только радовался глаз витому орнаменту у заглавных литер да кожаным тисненым окладам с драгоценными камнями, с жемчугом. И сердце замирало в предвкушении и ждало, ждало...

...С самого утра княжеский двор полон людей. В терем то и дело приходят гонцы из Киева, Новгорода. Случается, и из самой Византии. И тогда матушка укоризненно качает головой, завидев, как Предслава¹ норовит проскользнуть в покой князя Святослава-Георгия.

– Не отвлекай батюшку, – говорит она, поправляя синюю тунику под алым, расшитым золотом плащом.

Предславе не хочется расстраивать матушку. Она бы с радостью осталась в ее светлице и смотрела бы, как челядница вплетает в толстую русую косу атласные ленты. А вот уже и жемчужная корона венчает красивое, строгое чело княгини Софии.

С матушкой хорошо. Она знает множество историй. И Предславе начинает казаться, что она видит и седовласого князя Рогволода, и его дочь, своенравную красавицу-княжну Рогнеду.

Лицо княжны Рогнеды вспыхивает гневом: «Не хочу розувати рабынича, а Ярополка хочу».² Не снес Владимир обиды, пошел войной на Полоцк, мечом взял себе жену, нарек Гориславою. За родную разоренную землю, за убиенного отца, за неволю – за все решила отомстить Горислава-Рогнеда, отомстить кровью. Но увидел рабынич занесенный над ним меч. Увидел, осерчал. Только заступничество сына Изяслава спасло княгиню от неминуемой смерти, и они вернулись в Полоцк, и княжили.³

Но больше, чем про Рогволода и Рогнеду, Предслава любит слушать про деда, Всеслава Чародея. Ведь он приказал построить Софийский собор! Чудесный каменный собор, со звонкими колоколами, со сверкающими золотом куполами! Он ходил на Новгород, он остановил войско киевских князей. Победил в честном бою, а Ярославовичи отплатили ему коварным обманом. Но дед лишь сильнее сделался после плена, и стала процветать земля полоцкая, и расширились границы княжества.

Негромкий голос матушки журчит ручейком. Предславе нравится его слушать, но... В покое Святослава-Георгия все же интереснее. И князь никогда не сердается, что дочь наблюдает за тем, как он принимает гонцов, беседует с дружинниками и разбирает жалобы. Любимце дозволяется все.

А по вечерам начинается чудо из чудес. Батюшка достает из сундука книгу, пододвигает поближе свечу, и... читает. Из Святого Писания, из Жития Святых. И сердце Предславы замирает от благоговения. Великая мудрость сокрыта в тех пергаментных листах. Великое счастье. Чудо!

¹ В некоторых источниках – Предислава. На Руси было принято использовать два имени – исконное и данное при крещении. Но имя, данное при крещении Евфросинии Полоцкой, не установлено.

² По обычаю тех времен, перед первой брачной ночью молодая жена снимала мужу обувь. Рогнеда не просто отказала Владимиру, отдав предпочтение Ярополку, она подчеркнула низкое происхождение новгородского князя.

³ Согласно одной из версий, возвращение Рогнеды с сыном в Полоцк было обусловлено тем, что после принятия христианства Владимир решил покончить с языческим многоженством. И предложил Рогнеде выйти замуж за кого-нибудь из бояр. Но она отказалась и вернулась на родину.

«Вот если бы выучиться, как он! И читать, и не ждать вечера. Все дни проводила бы за книгами», – думала Предслава, наблюдая, как взгляд князя скользит по строчкам.

А когда она осмелилась сказать об этом, самом заветном, желании, голубые глаза батюшки погрузнели.

– Мужской ум у тебя, дочка. Но надлежит жить как женщине. Тяжело тебе будет. Я же вижу, ты – другая, не как сестры. Им бы все наряжаться. Височные кольца, перстни, гривны,⁴ да серьги примерять. Ты – другая, книги тебе нужны. Но доля-то твоя женская, – сказал Святослав-Георгий. Потом рассмеялся над ее потухшим личиком: – Ладно, будь по-твоему, дочка! Выучат тебя и читать, и писать. Иди завтра в софийский скрипторий⁵ скажи, я велел, чтобы научили.

Как стрела, выпущенная из лука, понеслась Предслава на берег Двины, в заветную Софию. Стучат красные туфельки по бревенчатой дороге, а громче шагов стучит сердце, торопится к счастью.

И очень скоро таинственные литеры кириллицы и глаголицы,⁶ написанные ровным уставом,⁷ с титлами⁸ открыли все свои тайны. Монахи диву давались, как быстро Предслава научилась читать и писать. Всего лишь пару дней провела она, склонившись над березовыми дощечками, заполненными мягким воском. Писало в ее руках выводило ровные безукоризненные литеры, почти не приходилось пользоваться закругленным кончиком, чтобы исправить ошибку.

Дощечки, воск, писало – а взгляд притягивает и настоящее, тонко заточенное гусиное перо, и чернильница. Предслава украдкой наблюдает за делающим список летописи монахом. Он аккуратно выводит литеры, рисует орнамент, а после на пергаментную страницу сыплется мелкий речной песок. Сыплется, сдувается, рождая мудрость, сохраняя великие знания.

Как же ей хочется взять в руку перо! Но в скриптории нет ни одной женщины, только монахи занимаются переписыванием книг. А может, все-таки?..

Звучит гневное:

– Княжна! Совсем дитя! Какое попробовать, прости Господи!

Через несколько дней отчаянных просьб монах сдается. Только предупреждает:

– Смотри, Предслава, не испорти пергамент!

Так вот для чего созданы ее пальцы! Перо, чернильница, пергамент, песок, снова перо...

Спина ноет тягучей болью, литеры свитка летописи едва различимы. Болят глаза, немеет рука. Но словно какая-то невидимая сила вынуждает Предсладу не оставлять пергамент. И душа парит в счастье, как белая голубка в синем небе над родным Полоцком.

...Предслава отложила перо и улыбнулась. А пожалуй, и хватит на сегодня трудиться. Звонят колокола златоглавой Софии, зовут к вечерней службе. И через окошко скриптория видно, как стекается люд в расписанный фресками светлый храм. Ей тоже пора на молитву. Попросить у Господа покоя для батюшки. Младший он, Святослав-Георгий. На посадке старший брат, Борис. И у того есть сыновья. Понимает отец: не для него престол полоцкий. Но все не может покориться судьбе.

Усмири же, Господи, его боль и кручину. Пусть исчезнут все батюшкины тревоги, печали. Ныне, и присно, и во веки веков, аминь...

⁴ Украшение на шею.

⁵ Мастерская по переписыванию книг при соборе.

⁶ Алфавит, использовавшийся в XII веке наряду с кириллицей, впоследствии был вытеснен кириллическим письмом.

⁷ Крупный и прямой почерк, где каждая буква отделялась от соседней. Слитное письмо возникло значительно позднее.

⁸ Надстрочные знаки. Пергамент был дорог, и переписчики экономили место.

После службы на душе стало легко-легко. «Только христианская вера дает сердцу успокоение, – думала Предслава, возвращаясь в терем. – Язычников мало в Полоцке, но челядницы рассказывали: простой народ все еще иногда поклоняется камням, прыгает через костер на Ивана Купалу. Как же они не понимают, что только Бог дарует жизнь вечную!»

Она бросила рассеянный взгляд на Двину и нахмурила тонкие брови.

Опять нарушен покой могучей широкой реки, снова часовые-тополя беспомощно дрожат в водной глади. Не справились, ничего не могут поделать: у дружинников свои планы на реку, на корабль под белыми парусами. Преграждают цепи путь странникам.⁹

– Платите дань земле полоцкой! А ежели не по нраву платить, разворачивайте корабль. Нет вам тогда дороги по Двине!

Широка река. Не добросить с корабля до берега купцу кожаный кошель с серебряными дирхемами.¹⁰ Из зарослей камыша выплывает лодка, и сердце Предславы замирает. Много дружинников она перевидала в покое отца. Но этот...

Как васильки во ржи. Синие глаза, светлые волосы. Кольчуга ладно облегает большое сильное тело. Словно диковинный исполин, стоит он на носу лодки, и торжествует на его губах улыбка.

Почувствовав ее взгляд, дружинник обернулся, и Предслава вспыхнула от стыда. Придается же такое, прости Господи! Но вот же, привиделось: если бы посватался к ней князь, такой же пригожий, она не стала бы оставлять нетронутую свою чарку с вином,¹¹ пригубила бы, с радостью!

Девушка подняла руку, чтобы осенить себя крестом, отогнать искушение с помощью Божьей. Но перекреститься не успела, испугалась вмиг померкшего солнца.

Задул сильный ветер, нагнал на небо черных туч, забурила Двина разгневанными волнами. И проливной дождь вмиг промочил плащ, сковал движения мокрой материей.

– Княжна! Иди к нам! – закричали дружинники из-за тополиных веток.

Она отрицательно покачала головой и побежала к терему.

Гневается Бог за грешные мысли. Нет согласия провидения на счастье для Предславы? Но почему? А на что оно тогда есть – согласие?..

– Доченька, милая! Промокла вся! Непогода на дворе страшная! Сейчас, сейчас распоряджусь, чтобы принесли сухое! – захлопотала княгиня, едва Предслава появилась на пороге. – А князь-то тебя так ждал, так ждал. И притомился, охота нынче тяжелая была, опочивать лег.

София дождалась, пока челядница, помогавшая дочери переодеться, вышла из светлицы, и провела рукой по мокрым, потемневшим от дождя волосам Предславы.

– Вот ты и выросла, дочка! Батюшка сказал, сваты завтра будут.

Предслава недоуменно пожала плечами. В терем часто приходят сваты. Не один знатный князь хотел бы взять молодую княжну в жены. Слава о красоте и мудрости дочери Святослава-Георгия идет далеко за пределы земель полоцких. Но нет ее согласия на свадьбу. А отец обычно лишь посмеивается над понурыми сватами.

– В этот раз все будет по-другому, – перебила дочь София. – Князь очень знатный. И Святослав-Георгий повелел, чтобы не было твоего отказа. Сказал: «Ежели не сам я на посаду, то внук мой будет княжить». Так он сказал, и об этом хотел говорить с тобою.

– Матушка, но я... не хочу... Матушка! Я знаю, что не это должно мне делать, совсем не это. Там, на реке, видела я пригожего дружинника. И подумала, что хочу себе жениха такого.

⁹ Через Западную Двину проходил путь «из варяг в греки». Это способствовало процветанию не только торговли, но и грабежей.

¹⁰ Арабские монеты, имевшие широкое хождение в Полоцком княжестве.

¹¹ Одна из форм отказа сватам в те времена.

А Господь разгневался, разверзлись небеса, закрутила непогода! – Предслава в волнении сжала руку Софии. – Нет воли Божьей на свадьбу. Неужто батюшка против неба пойдет?!

– Бог далеко, князь близко, – тихо сказала София, сочувственно глядя на дочь. – Пригожий, говоришь, дружинник? Только отцу не вздумай сказать, иссекут дружинника плетками. А то и казнят. И все равно будет, как Святослав-Георгий велел.

Предслава закусила губу. Да что же это такое! Батюшку как подменили!

– Тебе уже двенадцать лет, дочка.¹² Святослав-Георгий хочет, чтобы стала ты княгиней, чтобы родила сына.

София еще долго утешала дочь, но Предслава едва слышала ее слова. Почему-то не радовало ее, что будущий муж знатен, да молод, да хорош собой. Она пристально вглядывалась в залитую дождем ночь за окном, и в сердце рождались молитвы.

На все воля твоя, Господи. Как ты порешишь, так тому и бывать. Не оставляй же милостью своею рабу твою верную Предславу...

Она не помнила, как покинула свой покой. Украдкой пробралась мимо стражников, миновала Софийский собор, торговые ряды, низенькие хаты, в которых жил простой люд.

Очнулась лишь у монастырских стен. Постучала в деревянную дверь, и светлая теплая истома заполонила измученное сердечко.

– Предслава?! Господи, да что случилось-то? Ты, посеред ночи, здесь?

Княжна понимала: пред ней ее тетушка, игуменья, вдова Романа Всеславовича, после смерти князя избравшая для себя путь невесты Христовой.

Ночь, монастырь, встревоженное лицо тети в темных одеждах. Тихонько звякают от ее движений вериги под рясой. Клубится седой туман в низине, луна серебрит деревья, почти скрывающие слабо светящееся окошко кельи.

Предслава понимала все это, но вместе с тем чувствовала: неудержимая сила привела ее пред эти двери. Сила, противиться которой невозможно. Но от этого... нет, пожалуй, что и не страшно. Только удивительно. Она будто бы стала сама не своя.

«Свершится. Сейчас все свершится», – вдруг поняла княжна и перекрестилась.

– Что будет, если мой отец захочет отдать меня в супружество? Если будет так, от печали этого мира нельзя избавиться. Что содеяли наши роды, бывшие прежде до нас? Женились, и выходили замуж, и княжили, но не вечно жили. Жизнь их прошла, и погибла их слава, словно прах, хуже паутины. Но древние жены, взяв мужескую крепость, пошли следом за Христом, женихом своим, и предали тела свои ранам, мечам – главы свои. А иные, хотя и не склонили шеи свои под железом, но духовным мечом отсеки от себя плотские сласти, отдали тела свои посту, и бдению, и коленному преклонению, и возлежанию на земле. И они памятны на земле, и имена их написаны на небесах, где они вместе с ангелами непрестанно Бога славят!

Ее голос. Дрожит, срыгается. Ее голос, но откуда, откуда текут слова эти? Одно только ясно Предславе: всей душой принимает она свои речи.

– Тетушка... Хочу я постриг принять монашеский...

Игуменья всплеснула руками.

– Чадо мое! Как же я могу это сделать? Батюшка твой, доведавшись, с гневом возложит вред на голову мою! И ты еще так юна! Не сможешь ты понести тяготы монашеского жития, не сможешь оставить княжение и славу мира этого!

– Минует, как сон, слава эта, – твердо сказала Предслава.

Она ни капельки не сомневалась: поколебавшись, игуменья примет ее сторону. Та же сила, которая привела к монастырю, теперь подсказывала ей это, вселяла уверенность, помогала.

¹² В те времена достаточный возраст для невесты.

И тетя вдруг тоже все поняла.

– Господь зовет тебя, Предслава. Не могу я противиться его воле и не буду, – негромко сказала она, обнимая девушку. – А князь... Да, разгневается, конечно. Надобно мне поговорить с епископом Полоцким Илией. Он поможет вразумить Святослава-Георгия.

За игуменьей последовала Предслава в монастырь. В келью тети вела узкая-преузкая длинная лестница.

От этой узости холодных каменных ступеней, от гулких звуков шагов, взлетающих под темные своды, княжне на секунду стало страшно.

Путь выбран. Но это будет очень, очень тяжелый путь. Хватит ли ей сил пройти его?..

***2

Безумно хотелось позвонить Франсуа. Расцарапать своим голосом те воспоминания, которые он лечит-лечит, да все никак не вылечит. Один телефонный звонок, чтобы убедиться: красивый мужчина, потрясающий любовник, он по-прежнему в ее власти. И сделает все. Будет ждать в аэропорту де Голля, помчится в Москву, украдет звезды с неба, заласкает до слез. Любой каприз. Ни в чем не будет отказа. Любовь расстреляла его в упор. Франсуа, остроумного, красивого, импозантного, уже не узнать в осунувшейся бледной тени. Ее тени, именно ее тени... Разумеется, собственную тень любить нельзя. Но за ней можно наблюдать, с любопытством, с презрением, изучая следы разрушения некогда сильной личности. И разрушать еще больше.

Очень хотелось позвонить Франсуа. Но Лика Вронская, покосившись на лежащий перед ней сотовый, лишь вздохнула. И переместилась из спальни в зал, подальше от телефонного соблазна.

Их последняя встреча в Москве была в равной степени и отвратительна, и прекрасна. Франсуа уже даже не говорил о свадьбе. Не просил в очередной раз попробовать жить вместе. Пройденный этап, ничего не получится, они много раз в этом с горечью убеждались.

– *Laisses-moi m'en aller. Pour toujours. Tu me tues*,¹³ – молил он и целовал ее так, что кружилась голова, и не мог остановиться. – *Ne me retiens pas, je deviens fou*.¹⁴

Лика обещала.

Все-все-все. Больше ничего не будет. Ни растерзанной одежды, ни сладкого бесстыдного беспамятства, ни губ, распухших от поцелуев. Успокойся, мой бедный мальчик. Мы действительно слишком разные для того, чтобы быть вместе. А с этой ненормальной физической зависимостью и, правда, надо что-то делать. Невозможно ведь провести жизнь, не выбираясь из постели. А за постелью начинается то, против чего мы бессильны: разница менталитетов, несовпадение в бытовых вопросах, моя ревность, твои придирки.

И... отсутствие любви. Она исчезла в тот самый момент, когда Лика поняла, что Франсуа принадлежит ей целиком и полностью. Власть? Ответственность? Возможно. Только это уже не любовь.

Почему-то ей нравилось его мучить. Неосознанная месть бывшему бойфренду Паше, который после нескольких лет гражданского брака заскучал и завел себе любовницу? Моральная деградация, склонность к садизму? Ответов на эти вопросы Лика не знала.

Только очень хотелось позвонить Франсуа.

В спальне сладко запел Эрос Рамазотти, и она обрадовалась. Не выдержал! Не устоял, не справился, и недели не прошло!

¹³ Оставь меня. Навсегда. Ты меня убиваешь (*фр.*).

¹⁴ Не возвращай меня, или я сойду с ума (*фр.*).

Но, взглянув на экран сотового, Лика разочарованно вздохнула. На нем высвечивалась лаконичная надпись: «Шеф».

Главный редактор «Ведомостей» Андрей Иванович Красноперов захлебывался от возмущения.

– Ты мой заместитель или как? Сегодня совещание было по поводу увеличения объема газеты. Мне кто-то концепцию дополнительных полос обещал представить! Опять улетела в очередную книжку?

Лика закусила губу. Андрей прав, она работает из рук вон плохо. Ее хобби, написание детективов, отнимает все больше времени. И уже давно бы пора распрощаться с журналистикой, но она все медлит, так как не представляет своей жизни ни без газеты, ни без книг. Вот и пытается усидеть на двух стульях. Эгоистка!

Внезапно Андрей Иванович перестал ругаться и тихо спросил:

– Ты не заболела?

– Нет, – пробормотала Вронская и снова поразилась. У Андрея уникальная интуиция. Как-то в вечном редакционном пожаре она подумала: «Мой начальник – кретин».

Она подумала, а он ответил:

– Сама такая!

И в голубых глазах запрыгали чертики.

– Нет, Андрей, я не заболела. Свои предложения вышлю тебе по электронке, у меня почти все готово. Извини, что не предупредила насчет совещания, возникли проблемы.

– Помощь нужна?

Она горько усмехнулась. Да, было бы здорово прекратить измываться над любовником. Но уж Андрей-то в этом деле ей точно не помощник.

– Нет, спасибо, справлюсь сама.

Попрощавшись с начальником, Вронская отложила телефон.

Откуда в ее руках опять появился золотистый слайдер? Почему этот голос?

– J'écoute,¹⁵ – быстро сказал Франсуа. – J'attendais, tu me manques ma chérie, tu me manques.¹⁶

От собственных фраз противно. От кокетства и лжи — горько. Она знает: там, за тысячи километров, в измученном сердце снова вспыхивают надежды. Им не суждено оправдаться, никогда. Бьется в силках бедная птичка. Зачем же все это?! Почему она так себя ведет?! Но как приятно, когда он, срывающимся голосом, униженно:

– Quand se verra-t-on?¹⁷

– Un de ces jours.¹⁸

– Tu viendras me voir? Ou veux-tu que je vienne? J'ai beaucoup de travail, mais je ne fais que penser à toi.¹⁹

– Je te rappelle plus tard. Je dois aller promener Snape.²⁰

Франсуа что-то хотел добавить, но она нажала на кнопку окончания разговора.

Услышав свое имя, из-под стола выбрался палевый пес. И, склонив голову набок, выразительно посмотрел на хозяйку.

Гулять Снап не хотел. Гулять – это холодный черный нос, тыкающийся в ладони, и стучащий по полу хвост. Если все это не производит должного впечатления, собака жалобно

¹⁵ Я слушаю (фр.).

¹⁶ Я ждал, скучаю, милая, скучаю по тебе (фр.).

¹⁷ Когда мы увидимся? (фр.)

¹⁸ Когда-нибудь (фр.).

¹⁹ Ты приедешь ко мне? Или, хочешь, я приеду? У меня много работы, но я только о тебе и думаю (фр.).

²⁰ Я тебе потом перезвоню. Мне надо погулять со Снапом (фр.).

скулит. А вот взгляд, проникновенный, укоризненный, требовательный, трактуется просто. Еду давай!

– Я – стерва, – сокрушенно сказала Лика и потрепала питомца по рыжеватой холке. – Ладно, обжора, пошли на кухню.

Снап пулей умчался вперед, уселся у холодильника. Потом разочарованно твякнул.

– Да, опять сухой корм. Не плачь, вот добавляю тебе консервы. А что делать? Все претензии к твоим маме-папе, голденам. Порода у тебя, дружище, такая, что любая человеческая еда вызывает аллергию. Придется лопать собачью!

Пес без особого энтузиазма захрустел у миски.

– Прекратить маяться дурью. Надо работать, – напомнила себе Лика. – Завтра интервью с режиссером. Фильм его последний так и не посмотрела, дотянула до последнего.

Через пятнадцать минут после включения dvd-проигрывателя она позабыла обо всем. Потрясающая режиссура, звездный состав актеров. А как неожиданно прекрасно играют! Известные по ролям криминальных авторитетов, они, вот что значит талант перевоплощения, органично вписались в монастырский антураж. И лица стали просветленными, в глазах горит искренняя вера...

А потом очень сильно заболела голова. К горлу подкатила тошнота.

Угасающим взглядом Лика успела заметить: на экране священник изгоняет из девушки бесов.

Пугающая чернота в глазах. Зубы отбивают чечетку. Словно чья-то невидимая рука закрутила внутренности в комок и пытается их выдернуть через горло.

На ватных ногах Лика дотащилась до кухни, выпила воды, с ужасом понимая: все лицо залито потом. И поэтому ладонь, коснувшаяся подбородка, мокрая-премокрая.

«Что со мной? Не простужена, не беременна. На здоровье никогда не жаловалась. Тогда что это? – испуганно думала она, вытирая лицо салфеткой. – Сильная слабость. Надо выключить фильм и...»

Мысль оборвалась. Фильм, фильм, какой-то кадр, очень странный кадр, из-за него все случилось, там была какая-то сцена, и после нее...

Держась за стену, Лика добрела до зала и, борясь с новым приступом тошноты, уставилась на экран.

Священник читает молитву.

Из рта девушки вырываются нечленораздельные звуки.

И глаза снова застилает темнота...

Она не знала, сколько времени провела у телевизора.

Картина давно закончилась, но сил вынуть диск у Лики не было.

«Все ясно, – рассуждала она, растянувшись на ковре. – Со мной происходит что-то очень плохое. Кажется, это началось после последней книжки. Я писала в ней о темных силах. Работать было тяжело, то и дело творилась всякая чертовщина. Ломалась машина, бастовала электронная почта, в квартире ночью слышались чьи-то шаги, вой, смех... Я не смогла, как ни старалась, вычитать текст. Так и отправила сырой вариант редактору. И даже стыд за возможные ошибки не перевесил дикого страха, который у меня до сих пор вызывает та книга. После нее все началось. Мое поведение стало нетипичным. Всегда старалась вести себя доброжелательно, обращаться с людьми так, как хотелось бы, чтобы они обращались со мной. Но вдруг понравилось причинять боль. Это стало доставлять удовольствие. Неожиданно сильное удовольствие... Неужели со мной стало что-то не так? Да, когда я пишу, то всегда отождествляю себя с героями. Я была тем, кто призывал темные силы, кто хотел творить зло. Книга написана. Однако неужели вся эта грязь, темнота, чужие придуманные грехи – все это осталось во мне, стало мной? Бесы, не бесы. Я боюсь этих слов. Но почему меня так трясет, когда я вижу, как их изгоняют на экране?»

Пытаясь унять дрожь, она закрыла глаза. И сразу же вспыхнули золотые купола церкви, печально зазвонили колокола, донесся едва уловимый запах ладана.

Лица без труда узнала эту церковь. Золотистые маковки виднелись из окна кабинета ее приятеля, следователя Владимира Седова. Сколько раз она, сидя на подоконнике, равнодушно на них смотрела, обдумывая сюжетные ходы или реальные преступления, расследованием которых занимался Володя.

«Надо ехать в собор. И поговорить с батюшкой. Со мной происходит что-то ненормальное», – решила Вронская.

Стыд мешал ей собираться. Она пыталась вспомнить, когда последний раз ставила перед иконой свечу и как правильно обращаться к священнику. Но так и не вспомнила.

***3

Впервые Андрею Ларионову, возвращавшемуся с работы по Ленинградскому шоссе, было наплевать на пятничные пробки. Обычно он, предпочитавший мчаться на пределе технических возможностей вишневой «девятки», всегда страдал в продвигавшемся в час по чайной ложке автомобильном потоке. Медленная езда провоцировала на построение планов, кардинально менявших жизнь. Продать на фиг квартиру и подобрать жилье, находящееся вдалеке от оживленных маршрутов. Если такое, конечно, можно отыскать в битком набитой людьми и авто Москве. Или, тоже вариант: найти другую работу, в офисе и поближе к дому. Все, что угодно, только бы не изнывать от тоски в ежевечернем кошмаре. Безжалостно питающемся долгими часами напрасно потраченного времени и сгоревшими нервными клетками. Конечно, Андрей понимал: эти мечты из разряда неосуществимых, ему никогда не вырваться из тесных, переполненных лабиринтов мегаполиса. Но все же такие рассуждения позволяли скрасить многочасовое вынужденное ожидание.

Однако сегодня ему было абсолютно наплевать на забитое шоссе, на лихачей, нагло подрезавших его автомобиль, на аварии, замедлявшие и без того медленное движение. Более того, Андрей даже радовался пробке. Она давала возможность все как следует обдумать. Ведь пару часов назад он узнал такое...

– Молодой человек, у вас есть зажигалка? У нас прикуриватель испортился!

Андрей повернул голову налево. С пассажирского сиденья какого-то маленького красного автомобильчика, каких в последнее время много бегают по Москве, улыбалась симпатичная брюнетка.

Он невольно удивился интересу в карих миндалевидных глазах. Как правило, женский взгляд быстро соскальзывал с его лица. Неудивительно. Как говорится, зацепиться там совершенно не за что. Серые глаза, русые, уже с заметной сединой, волосы, безвольный подбородок. Нос с большой горбинкой. А еще у него средний, не исполинский, рост, обычное телосложение. Когда-то все было по-другому. Но теперь, в свои сорок два, он не Аллен Делон, это совершенно точно. Для того чтобы пригласить девушку в гости, обычно приходится долго напрягаться с предварительным процессом ухаживания. И потом то, ради чего все это затевалось, уже особо не радует.

В любой другой ситуации Андрей обязательно бы пообщался с брюнеткой. Личико шатенки, находившейся за рулем авто, тоже, кстати, было очень даже ничего.

Но он просто протянул девушке зажигалку. А потом с непроницаемым лицом поднял стекло, оставив лишь узкую щелку для воняющего бензином, невкусного воздуха.

Итак, ему повезло. Совершенно случайно он получил доступ к информации, которая могла оказаться очень полезной. Очевидно то, что в этой ситуации бездействовать нельзя. Но как распорядиться любопытными сведениями наилучшим образом? Как соблюсти свои

интересы и при этом сделать так, чтобы комар носа не подточил, чтобы ни у кого и мысли не возникло о его причастности?

Через полчаса лихорадочных размышлений и такого же лихорадочного переключения передач он разработал детальный план действий. Придумал, согласовал, еще раз обдумал детали. И снова потянулся к сотовому телефону, лежавшему на пассажирском сиденье, нашел в записной книжке номер Рыжкова.

– Василий, у меня есть для тебя работа.

– Надеюсь, высокооплачиваемая? А то что я, дурак, бесплатно вкалывать?!

– Если все сложится удачно, то ты не пожалеешь.

– Нормалек! Слушаю тебя, Ларио!

Андрей невольно поморщился. Ему не нравилось его прозвище, но все знакомые как сговорились, по имени упрямо не называют. Как будто бы знают, что...

Он говорил с Рыжковым и радовался. Вася загорелся идеей мгновенно. Такому предложи бабок срубить – маму родную продаст. То, что нужно в данной ситуации!

***4

Церковь почему-то оказалась совершенно безлюдной.

Конечно, вечер, пятница, теплынь, многие уезжают за город. Но чтобы вот так – никого...

«Наверное, я пришла в перерыв между службами, – решила Лика, оглядывая пустой храм. – Потому что народ у нас все-таки верующий. По праздникам в собор не войти. Бывает, проезжаешь мимо на машине и поражаешься: огромные очереди стоят!»

Отсутствие людей ее расстроило. Лика имела довольно смутное представление о том, как себя надо вести в храме. А когда вокруг полным-полно верующих, оно вроде полегче. Посмотришь, когда они крестятся, и вслед за ними тоже осеяешь себя крестом. А так – копировать некого. Интересно, что полагается делать в пустом храме? Видимо, тоже молиться – просто в одиночестве.

Потом в голову полезли невеселые мысли. Не хочет Бог ее молитвы. По всей видимости, залезшие в нее бесы привели ее в церковь в тот момент, когда там никого нет. Все это специально делается. Чтобы не молилась, не очищалась, жила во грехе.

«Ну уж дудки, – разозлилась Вронская. – Так просто меня не возьмешь. Буду сопротивляться!»

Она купила свечи, подошла к иконе с ликом Богородицы и младенца Иисуса, перекрестилась.

«Богородица Дево, радуйся, благодатная Марие, Господь с Тобою: благословенна ты в женах и благословен плод чрева твоего, яко Спаса родила еси душу наших...»

Слова молитвы, заученные много лет назад, зазвучали в душе легко, непринужденно. А озябшие ладони почему-то стали теплыми-теплыми.

Лика зажгла перед иконой свечу и хотела уже продолжить молитву, но за спиной раздались чьи-то шаги. Обернувшись, она увидела двух пожилых женщин в платках.

«Платок! Я с непокрытой головой, вот балда. И ведь казалось же: что-то должна захватить с собой. Вот бесы, вот гады! Точно влезли в меня. Надо ж было такое забыть», – мелькнули мысли.

А потом прямо над ухом раздалось:

– Четверо короедов, и все на моей шее сидят. Сын, дочь и двое деток. Не работают нигде. А ты, баба, плати за все!

– Но за квартиру-то хоть платят?

– Какое там! Сама плачу. А ведь все дорожает. И квартплата, и свет, и телефон. В этом, как его там... А, вспомнила, в Интернете! Спрашиваю: «Что делаете? Почему не спите?» Они говорят: «Сидим». И вот они посидят-посидят незнамо где. А потом такие счета за телефон приходят, ужас!

Конечно, с раздражением подумала Вронская, человек несовершенен. И кто без греха, пусть первый бросит в меня камень. Но все-таки какие-то уж очень невоспитанные эти женщины. Мешают, сбивают с молитвы!

Невольно выслушав жалобу на Интернет-зависимых короедов, Лика переместилась на противоположную сторону храма, подальше от болтливых прихожанок.

Она просила у Бога помощи, просила сил, чтобы отпустить Франсуа. Но буквально через минуту за спиной вновь зазвучали те же голоса.

– А туалет здесь есть, интересно?

– Думаю, должен быть. Батюшки что, не люди?

– А меня туда пустят? А то я на работе сходить не успела. И сейчас мучаюсь.

– Если не пустят, это неправильно будет. Что им, жалко, что ли?

– Как же писать хочется! Прямо до смерти!

Лика осмотрелась по сторонам. Надо прятаться, это очевидно. С ее-то темпераментом еще пара минут – и она точно сорвется на нравственно-воспитательный спич. А сейчас не место, не время. Со своими бы проблемами разобраться вначале.

Сбоку виднелся полукруглый дверной проем. Лика сделала пару шагов, разглядела небольшие ступени, ведущие в полутемную комнатку. И, не выдержав, осуждающе оглянулась.

Возле иконы с изображением апостола Луки больше никого не было. Станные женщины исчезли!

«Но в церкви же такая акустика, что даже на цыпочках неслышно не пройдешь, – ошалело подумала Лика. – Бесы, точно бесы. Мапочки, что же делать! К священнику, срочно. Я думала, что самое страшное – это когда в четыре часа ночи вдруг сам по себе врубается музыкальный центр. Когда в квартире раздается вой, какое-то хихиканье. Так случилось во время работы над последним романом. Я была не права! Вот он где, ужас! Чертовщина в церкви! Тетки-то испарились! Мне точно надо исповедоваться, причащаться, каяться! Все и по полной программе!»

Она хотела пойти к женщине, продававшей у входа в храм свечи и иконы. Спросить, когда можно поговорить с батюшкой. И так заторопилась, что ударилась коленом о незамеченный в полумраке выступ.

«Бесы, бесы, – уныло думала Лика, массируя коленку. Пришлось даже опуститься на ступени, нога совершенно не сгибалась, от попытки сделать шаг искры летели из глаз. – Ничего, я вам еще покажу. Вы из меня изгонитесь, как миленькие».

Она вздрогнула, заслышав шаги. И обомлела. Откуда-то сбоку – видимо, в эту комнатку был еще один вход – появились двое. Парень в очках, лицо усыпано веснушками. Ничего примечательного, похож на студента-«ботаника». Но его спутник, священник...

«Зачем батюшке такое лицо? Разве можно со столь броской внешностью проводить службы? Да на него все женщины, наверное, смотрят, глаз отвести не могут, – думала Лика и понимала, что уже минимум в пятый раз оглядывает угадывающуюся под рясой стройную фигуру, и серые глаза с длинными ресницами, и четко очерченный рот, который не скрывают небольшие усики и аккуратная бородка. – Как он молод для священника, ему тридцатник максимум. И как не похож на тех монахов, которых я видела, когда готовила репортаж о монастыре. Лица монахов поражали своей одухотворенностью, искренней верой. Но не такой земной, завораживающей красотой!»

Они не заметили ее, скрытую полумраком и выступом колонны.

– Исповедь проходит здесь, Коля, после нее верующий принимает причастие, – сказал священник. – Но сейчас тебе лучше повременить. Ты давно не приходил в церковь, поэтому тебе следует сначала попоститься, чтобы в смирении и молитве вспомнить все свои прегрешения.

– Отец Алексей, – голос парня звучал раздраженно. – К чему этот бюрократизм? Православная церковь вообще склонна к бюрократизму, как вы думаете?

«Он офигел, – подумала Лика. – Мне почему-то начинает казаться, что я на пресс-конференции. Манера задавать вопросы у этого „ботаника“ какая-то уж очень журналистская». Священник пожал плечами.

– Нет, конечно. Православная церковь – это Тело Христово. В церкви Христос живет в людях, в каждом человеке. Только православная церковь получает на Пасху благодатный огонь. Она всегда была близка людям, была с людьми. И то, что я прошу тебя подумать перед исповедью, – это не бюрократизм. Покаяние есть одно из главных таинств. Пусть же душа твоя примет его целиком и полностью.

– Отец Алексей, мне некогда. Ситуация очень серьезная. Я... я... – парень запнулся. А потом, вздохнув, снял очки и едва слышно закончил: – Я хочу убить.

– Коля... Да даже думать об этом грех смертный!

– Они сами виноваты! Мои однокурсники, близнецы Грековы. Никитос и Александрос, их так на факультете называют. Они достали меня!

– Давай не будем обсуждать это в храме, – сказал отец Алексей и перекрестил своего собеседника. – Приходи завтра в педагогический колледж. Знаешь, где он находится? Приходи. Я там физику преподаю, у меня завтра всего одна пара. Потом поговорим, хорошо? У нас будет больше времени. Мне надо готовиться к проведению службы.

Парень утвердительно кивнул и пробормотал:

– Ладно.

– Точно придешь? Ты ничего не утворишь, обещаешь?

– Хорошо, хорошо, – быстро закивал Коля. – А почему вы физику преподаете? Денег не хватает? Каково вообще финансовое положение священников?

«Журналист, – окончательно уверилась Лика. – Типичная наша разводка-провокация. Какой неприятный субъект!»

– Физику я преподаю, потому что мне это нравится. И потому что ее законы лишь подтверждают светлую волю небесного Отца нашего Создателя. А деньги... Будет день, будет и пища.

– Пища разной бывает!

– Чревоугодие, Коля, тоже грех, – отец Алексей улыбнулся. – Я стараюсь не грешить.

Когда они ушли, Лика выбралась из своего укрытия. Храм уже стал заполняться верующими. Но она поняла: выстоять службу с больной ногой не получится. Но дело не только в ноющем колене. Странные женщины, странный парень, нетипичный священник – все это выбило Лику из колеи. Душевного покоя, требуемого для присутствия на богослужении, не было и в помине.

«Мне показалось, что этот Коля разводит отца Алексея, – думала Лика, возвращаясь к машине. Верный небесно-голубой „фордик“ ждал ее на парковке возле прокуратуры, где работал следователь Володя Седов. – Коля пытался спровоцировать батюшку. Но зачем?»

Ей очень хотелось обсудить последние события с приятелем. Увы, окна его кабинета были темными. Тогда она решила вернуться в храм и поговорить со священником. Страшно, конечно, рассказывать про свои грехи. Но что делать? Днем раньше, днем позже. Не жить же с погаными бесами. Надо не откладывать разговор, а решаться...

***5

– Как все прошло? Тимур Андреевич, вы бэйдж забыли снять!

Тимур Антипов проследил за направлением взгляда косметолога клиники «Ле Ботэ» Ольги Зацепиной и рассмеялся.

– То-то мне в ресторане заказ принесли в считанные минуты! – сказал он и снял с лацкана пиджака пластиковую карту с надписью «Тимур Антипов, член Общества пластических, реконструктивных и эстетических хирургов России, владелец клиники пластической хирургии „Ле Ботэ“».

Он набросил белый халат и удовлетворенно потер руки, уже тронутые проказой пигментных пятен.

– Знаете, Оленька, а съезд прошел хорошо. Можно сказать, продуктивно. Меня поразили цифры – только в Москве, оказывается, работают уже более 200 пластических хирургов. А еще мне понравилась идея о выработке кодекса пластического хирурга. Как вспомню те ягодичы – так вздрогну!

Тонкие брови Ольги взлетели вверх.

– Неужели ее все-таки взяли на операцию?

Тимур Андреевич кивнул. Пациентка, которую запомнили все сотрудники клиники вплоть до уборщицы, пришла на прием вместе с мужем. Он и настоял на консультации. Задачи, которые мужчина хотел решить посредством операции, вызвали бы ужас у любого специалиста. Муж категорически настаивал на установке супруге гигантских имплантатов в ягодичы. Такие имплантаты грозили буквально тянуть попку девушки к земле. И все объяснения насчет того, что эта операция представляет угрозу для здоровья его жены и просто изуродует ее фигуру, вызвали настолько зычный крик, что суть проблемы узнали все, и работники, и пациенты. А площади в клинике немаленькие и звукоизоляция отличная. Тем не менее кто-то из коллег взял грех на душу и прооперировал несчастную женщину. И вот итог! По торговому центру, куда как-то забежал Тимур Андреевич, шла гусыня. Женщина тоже его узнала, но, густо покраснев, ничего не сказала, лишь втянула голову в плечи и заковыляла прочь.

Антипов вздохнул:

– Прооперировали, конечно. Пластическая хирургия нынче в моде. Она становится все более доступной. И это провоцирует появление нечистых на руку дельцов от медицины. А ведь главная заповедь в нашем деле – не навреди. Хороший хирург, я уверен, ни за что не стал бы проводить такую операцию.

– Но мы ведь сделали выводы из этой ситуации, правда? – осторожно заметила Ольга, чуть наклоняясь вперед.

– Да, Оленька, у нас, к счастью, появился профессиональный психолог, Миша Громыко. И работать сразу стало комфортнее, – сказал Тимур Андреевич, стараясь не коситься в расстегнутый белый халатик косметолога. И все равно невольно заглядывал, про себя отмечая: не нужны девушке имплантаты, у нее отличная грудь, полная и идеальной формы. – Это он общается с людьми, которые хотят решить свои немедицинские проблемы при помощи скальпеля. Он профессионал, и варианты «отрежьте мне что-нибудь, чтобы меня мужчины любили» отсеиваются автоматически. А сколько энергии высасывали раньше такие клиентки! Она придет, гадостей наговорит, ей легче. А мне как в операционную идти, когда внутри все клокочет от ярости?!

Антипов открыл ежедневник, потом посмотрел на часы. На вечер запланирована только одна операция, липосакция бедер, ничего сложного, он скоро освободится.

«Отлично, – обрадовался хирург, – уберу лишний жир, и сразу домой. А впрочем, позвонить Ларио можно и из машины».

– Тимур Андреевич, а могу ли я присутствовать на вашей операции? – поинтересовалась Ольга.

В ее голосе Антипову почудилось скрытое волнение.

«Девочка тоже хочет стать хирургом? А впрочем, почему нет, – подумал он и улыбнулся. – Образование есть, появится и опыт. Не вечно же ей пилингами заниматься».

– Конечно, Оленька. Хотя там липосакция, которую вы уже не один раз видели. Но если хотите – пожалуйста.

Косметолог закусила губу, видимо, пытаясь придумать какие-то объяснения. Но так ничего и не сказала, только тяжело вздохнула.

«Чудная она. То пирогов принесет, то сувенир смешной презентует. Подлизывается к начальнику? А смысл? У нее от клиентов отбоя нет, без работы не сидит, так что на зарплату вряд ли жалуется. И в операционной все время торчит. Точно, наверное, переросла косметологию, на большее нацеливается», – решил Тимур Андреевич и сразу же позабыл о девушке.

Оперировал машинально, уверенно. Мыслей о пациентке, плавающей в ватных облаках наркозного сна, у него тоже не было.

Вот Ларио, вот молодец! Если все получится так, как он говорит, в коллекции антиквариата появится редкостный, уникальный экземпляр. Настоящая реликвия! Да за нее любых денег не жалко!

«Только бы все сработало», – подумал Антипов и повернулся к ассистенту.

– Я закончил. Можно будить пациентку!

***6

С раннего утра управление стояло на ушах. В коридорах Лубянки вовсю дымили даже некурящие. Ссоры вспыхивали на пустом месте и так же внезапно перерастали в дружеское братание. Но Сергея Филимонова вовсе не удивляла нервность чекистов. Он и сам сидел как на иголках. Сегодня должна была завершиться операция по задержанию шпиона, разработка которого велась в общей сложности пять лет.

– Ну что, майор, готов стать подполковником?

Николай Рахманько со всего маху ткнул Сергея в плечо. От неожиданности Филимонов, равнодушно тарасившийся на плакат с пухлощеким карапузом, размещенный на фасаде «Детского мира», едва устоял на ногах. Однако все же устоял, потом ударил коллегу под дых, но тот угадал его намерение. Кулак Сергея встретили напряженные кубики пресса.

– Готовься надеть новые погоны, – не унимался Николай. – Сейчас сцапаем красавца, и все пряники тебе. Ты же у нас составлял схему проведения оперативных мероприятий. Опера не звонили, как там все проходит?

Сергей отрицательно покачал головой. Больше всего ему хотелось, чтобы история со шпионом наконец пришла к своему логическому завершению. Чтобы щелкнули на его запястьях наручники. А затем – и дверь тюремной камеры за поникшей спиной. И можно спокойно выбросить Доминика Полинского из головы. И подумать о том, что сегодняшний день, возможно, определит всю дальнейшую жизнь...

Но Колю просто распирало от желания потреться. Расправив ладонью свои роскошные черные усы, он сел на стул, отодвинул небольшой бюст Дзержинского в сторону – тот мешал ему водрузить на стол локти – и удовлетворенно сказал:

– Да, сейчас немцы будут воду мутить. наших посольских домой отправят, как пить дать.

– Может, не вышлют, – вяло ответил Сергей, продолжая рассматривать карапуза. – У нас же столько фактуры на руках. Нравится это БНД²¹ или не нравится. Надо было тоньше работать со своими кадрами. Полынский же в каждую дырку лез. Он вербовал сотрудников министерства обороны, пытался получить доступ к защите диссертаций военной тематики, основал для прикрытия коммерческую фирму. И с ней тоже спалился. Так как вся коммерция сводилась к выяснению информации об объеме российских торговых сделок по вооружению.

– Сукин сын, – на щеках Коли заиграли желваки. Он проникался к каждому преступнику такой лютой ненавистью, что иногда Сергею даже становилось завидно. Сам-то он к ним относился спокойно, холодно, без лишних эмоций. – Вот урод! Причем что обидно. Мы пять лет с ним парились. Мы сейчас его сцапаем. А потом их президент напишет письмо нашему.

– Там не президент, Коль. А канцлер.

– А какая разница? Все равно, накатает бумагу. Так и так, просим помиловать. И поедет господин Полынский из российской тюрьги на родину в Дойчланд.

– Пусть едет, – махнул рукой Сергей. – Мы быстро его высчитали. И все эти пять лет были, по сути, игрой с БНД. Попыткой вычислить их интересы, методы работы.

Контрразведке, и правда, оперативно удалось выяснить истинные намерения Доминика Полынского. Польский офицер, в советские годы проходивший обучение в Военной артиллерийской академии в Ленинграде, он эмигрировал в Германию, работал в Русском институте армии США. А затем получил должность профессора в Европейском центре безопасности Маршалла, в Гармиш-Партенкирхене. Преподаватель, готовящий офицеров-страноведов, сразу же привлек внимание БНД.

В Россию Доминик Полынский прибыл как руководитель миссии, доставлявшей гуманитарную помощь мотострелковой дивизии. Однако первый же завербованный им офицер министерства обороны бросился в ФСБ. Так как понял, какого рода сотрудничество интересует немецкого профессора. Поэтому появилась возможность контролировать каждый шаг Полынского в России. И БНД, возможно, предполагала, что их агент попал в поле зрения российских спецслужб. Последний год Полынский не приезжал в Москву. Немецкая разведка явно провоцировала ФСБ на выявление агентуры шпиона, но россиянам хватило ума и терпения не делать резких движений. И Полынский прибыл вновь, рассчитывая получить сведения военного характера, составляющие государственную тайну. Брать шпиона предполагалось в сквере на Цветном бульваре, где Полынский назначил встречу агенту. Но почему молчат опера? Неужели операция сорвалась?

– В столовую, говорю, пошли! – Коля встряхнул Сергея за плечо. – Не дрейфь, нормалек все будет. Пойдем, перекусим, обсудим, когда ты проставляться будешь.

Сергей с досадой поморщился. Перекусить не мешало бы, с утра он проспал, на работу пришлось собираться быстро. Да и завтракать не хотелось, сказывалось волнение по поводу операции. И не только операции. Но столовая, знакомые лица, опять эти разговоры...

– Мне надо в город отъехать, – соврал Сергей и, сдернув с вешалки плащ, выбежал в коридор.

Хотелось выйти поскорее из стен этого здания, приковывавшего все мысли к работе.

И подумать о том, что на данный момент все же важнее любимого дела. О любимой женщине! А перекусить можно хотя бы и поблизости, в чекистском ресторане «Дзержинский». До официального обеда в ФСБ еще час, и все залы наверняка будут пустыми. Готовят там сносно. Правда, музыкальное сопровождение подкачало. Под звуки российской попсы настоящая чекистская форма прошлых лет, фотокопии документов и написанные маслом

²¹ Спецслужба Германии.

портреты руководства, которыми декорирован интерьер, выглядят несколько странно. Но это уже дело десятое...

Сергей нащупал в кармане пиджака коробочку с кольцом и вздохнул. Вика его любимая женщина, это совершенно точно, сомнений нет и быть не может. А вот является ли он для нее любимым мужчиной? Самым любимым, самым важным. Единственным. На всю жизнь...

Сотовый старательно залился мелодией, установленной на рабочие контакты, и Филимонов быстро ответил на звонок.

– Ты где шляешься? Взяли сукина сына! Пошли пьянствовать!

Коля так орал, что Сергей даже отодвинул трубку от уха. «Не надо Рахманько пьянствовать, он и без водки уже пьяный», – невольно подумал Филимонов, а вслух вежливо поздравил коллегу с успешным завершением операции. И сразу же отключился.

«Вика, Вика... Ты позволишь объединить наши судьбы? Ты вступишь меня в свою жизнь?»

Хоровод вопросов не отпускал. Сергей старался думать о том, что начинается новый этап их отношений, что он счастлив и все будет хорошо.

Старался – но в душе скребся липкий противный страх.

Первый брак принес столько боли, что долгое время Сергей даже на случайных подруг поглядывал настороженно, опасаясь повторения того кошмара, который пришлось пережить.

А потом появилась Вика. И удивительное желание все начать сначала. Рядом всегда были девушки, желающие скрасить его одиночество. Он, девушка, одиночество. Только рядом с Викой этот не любовный треугольник исчез, распался, будто никогда и не было его вовсе. Ее наивность, настойчивость, страстность. Все это вдруг как-то незаметно изменило жизнь. Так свежий дождь смывает пыль и позволяет беззаботному солнцу улыбаться в алмазной росе. Только вот страх повторения прошлого – это шпион, обезвредить которого невозможно...

Глава 2

***1

Полоцк, 1128–1159 годы

Предслава отложила Библию и вздохнула. Виднелся из окошка ее кельи в Софийском соборе высокий княжеский терем. И из окон монастыря, где осталась тетушка-игуменья, тоже просматривались светлые, ладно сложенные бревнышки. Иногда даже казалось: мелькает там, в глубине светлицы, то матушка, то сестры. Не разглядеть их, конечно, не различить. Но – казалось, казалось, и горькая кручина ложилась на сердце. Давно стерлись из памяти гневные речи Святослава-Георгия, и плач Софии тоже забылся, не бережит душу. А тоска, тревога – остались. Как там батюшка, матушка? Живы, здоровы?

Нет ответов на эти вопросы. Пути назад тоже нет. Острижены девичьи косы. Под рясой и подрясником – вериги, сковали изможденное постом тело железным холодом. «Сестра Евфросиния», – говорит, обращаясь к ней, игуменья. И хорошо все это, прекрасно, светел промысел Божий.

Только вот едкая тоска-кручина... Она-то и увела Предславу из тетушкиного монастыря. Епископ Илия благословил жить тут, в келье Софийского собора, подле книг. Здесь работы куда больше, чем в монастырских стенах. Некогда горевать. Расширился скрипторий, много монахов занято переписыванием книг, и сама Предслава день и ночь стоит у пергамента.

Благословил господь своей милостью, придумала она, как сделать так, чтобы работа спорилась. Один монах заглавные литеры выводит, другой переплет делает, третий орнаменты пишет. А сам текст для переписчиков можно на несколько частей разделить. Быстрее стали книги выходить из скриптория, и покупает их знатный люд. Вырученные же деньги в помощь бедным да сиротам идут.

Работа, работа, одна только работа. А когда нет-нет да и нахлынет щемящая тоска по дому, Предслава открывает Библию. И слово Божье приносит покой и радость.

Надобно ей встать из-за стола. Задуть почти оплавившуюся свечу. И примоститься на узком топчане подле окна. Скоро займется заря, уже светлеет небо, и можно даже различить зеркальную, чуть тронутую рябью, гладь Двины. А там – утренняя молитва и новые хлопоты. А она еще не ложилась.

Надо встать из-за стола. Только нет сил. Клонится уставшая голова на темное древо...

Предславе казалось: она задремала буквально на пару минут.

Но почему келья наполнилась вдруг ярким светом? Ярчайшим! Таким, что глазам больно смотреть!

«Уже день, встало солнышко. Ах я, грешная! Получается, не была на службе? Грех, вот грех», – всполошилась она.

И, глянув за окно, истово закрестилась. Сумерки, голубоватые утренние сумерки лежали над Полоцком.

Озарена келья ярким светом...

Предслава зажмурилась. Когда открыла глаза, дивный белоснежный Ангел стоял подле иконы Божьей Матери!

Слова застряли в горле. Светел, прекрасен был лик того Ангела. А взгляд! Никогда прежде не видела Предслава таких глаз. Сама любовь, сама благодать Божья отражалась в небесных глазах. И было так много этих любви и благодати, что Предславе показалось, будто

плывет она в теплых водах. Плывет, и силы великие вливаются в нее с каждым движением, с каждым вдохом.

Вдруг исчезли стены кельи. В лицо ударила свежая утренняя прохлада. И Предслава с изумлением поняла: как по тверди, ступает она по воздуху, увлекаемая светлым Ангелом. Ступает, не падает.

Крепко спит Полоцк. Не видит никто их шествия. Разве что алый краешек солнца, показавшийся за рекой, приветствует Святого Духа.

Босые ноги за холодила роса. Предслава очнулась, оглянулась окрест. Невероятно! Вот уже стоит она на берегу Полоты. Рядом деревянная церковка Спаса. Каменная усыпальница епископов полоцких. Луг да кучерявые заросли орешника. Сельцо это, что в двух верстах от Полоцка.

Не может быть такого! Она шла по воздуху? Летела вольной птицей? Как же боязно вспоминать. В это невозможно поверить! Но получается, что так...

– Евфросиния, здесь тебе надлежит быть!

Она перекрестилась. Чудеса, да и только! Слышит она глас Ангела. Но заливаются в орешнике птицы. Не вспугнул их громкий голос, не потревожил.

– Евфросиния, здесь тебе надлежит быть!

И через минуту снова раздалось:

– Евфросиния, здесь тебе надлежит быть!

Осенив ее крестом, Ангел исчез. Погас, как задутая свеча. Будто и не было ни его, ни странного шествия, ни громогласного наставления.

Предслава упала на колени.

– Благодарю тебя, Господи, что указал мне путь мой, – зашептала она. – Да свершится воля твоя.

Помолившись, она заторопилась назад, в Софийский собор. Ноги, казалось, сами несли ее над землей. Откуда только силы взялись, после бессонной ночи, после приключившегося с ней дива дивного?..

– Владыка! Владыченька! Радость-то какая! – воскликнула Предслава, увидев подле собора величавую фигуру епископа Илии.

Поцеловав его руку, она поспешила рассказать епископу все-все. И про видение Святого Духа, и про чудесное шествие в Сельцо, и про слова, что вымолвил Ангел.

– Знаю, Евфросиния, обо всем знаю, – промолвил епископ и перекрестился. – Мне тоже Святой Дух являлся. От волнения я и не запомнил почти ничего. Только наказ его. Чтобы отдал тебе Сельцо. Будем звать на совет князей – дядю твоего Бориса да батюшку, Святослава-Георгия. Хоть и числится Сельцо за Софийским собором, не могу я принять решение без согласия князей. Но разве станут они противиться воле Божьей?

Прав да не прав оказался епископ Илия. И в самом деле, побоялись дядя и отец против Бога идти, решились отдать Сельцо Предславе.

Да вот только... Дело, конечно, Божье. Но помощь-то для создания монашеской обители земная нужна.

Серdito нахмурил батюшка брови.

– Не было моего благословения на твой постриг, Предслава. И посему помогать тебе боле не стану.

Князь Борис, по лицу было видно, хотел поспорить с братом. Но – не решился. Сказал только:

– Не моя ты дочь, Предслава. Коли нет согласия твоего отца, то я перечить ему не буду.

– Не беда, дядя, – сказала Предслава и кротко улыбнулась. Хотя щемило сердечко, захотелось от обиды. Столько лет отца не видала, соскучилась. А суров батюшка, до сих пор

обижен. Ну да простит Господь его гордыню. – Бог мне поможет обитель создать. Не бросит он меня на пути сем.

Она ушла в Сельцо, захватив с собой лишь Библию и каравай хлеба. И только одна монахиня решилась помочь Предславе в устройстве новой обители.

Им казалось: не смогут. Не справятся. Не бывать в Сельце монастырю.

Но, когда Предслава со своею спутницей добрались до Полоты, подле церкви Спаса уже вовсю стучали топоры. Весть о чудодейственном видении распространилась быстро. Весь Полоцк, казалось, неожиданно вышел на помощь для обустройства обители невест Христовых.

Хозяйственные хлопоты изматывали Предславу. Но, несмотря на усталость, она каждую минуточку благодарила Господа за великую поддержку.

Чудесный светлый Ангел исчез. Но чудеса, являемые милостью Божьей, продолжались.

Невероятно быстро преобразилось Сельцо, все окрест задышало красотой и покоем. Потянулись девицы в монастырь. Открылась школа. И деревянная церковка едва вмещала всех сестер, пришедших на службу.

Новый храм пришла пора возводить. Большой, просторный. Но вот как, на что?

«Надо ехать в Полоцк, – пронеслось в голове. – Помощи просить у князей. Дело-то божеское. Не смогут не понять».

И Предслава заторопилась. Распорядилась запрягать подводу, захлопотала, благословила сестер на труд. Тем временем у монастырских ворот появились девушки. На минуточку игуменья замерла, вглядываясь в их лица, а потом бросилась навстречу.

– Сестрички! Родные! Как же я соскучилась по вам! – выдохнула Предслава, обнимая Гордиславу.

Родная сестра, а выросла-то, выросла – не узнать, красивая, статная!

И Звенислава, дочь Бориса, изменилась, похорошела. Тоже, помнится, совсем маленькой была, сущее дитя. А сейчас – девица на выданье!

– Хорошо, что приехали, – заговорила Предслава и знаком подозвала стоящую в сторонке монахиню. – Помолитесь здесь, с сестрами побеседуете. Просите Бога о милости, и воздастся вам. Все будет, и женихи, и деточки здоровенькие. Попрошу сейчас сестру в трапезную вас свести. Проголодались с дороги? Знаю, проголодались. Может, не так сладок монашеский хлеб, как княжеский. Но вы уж не побрезгуйте.

– К тебе наша просьба, игуменья Евфросиния, – тихо сказала Гордислава, теребя кончик русой толстой косы. – Не знаю, как сказать. Отказа твоего боюсь.

Звенислава перебила сестру:

– А я не боюсь! Сможет Предслава понять наше желание. Сама она видела, как несправедливо все устроено в княжестве. Господь говорит: живите в мире, не убивайте. Да только года не проходит, чтобы наше войско в поход не выступало... Хотим мы постриг принять, игуменья. Помогите нам!

Предслава всплеснула руками. Вот сестры, вот надумали! Решимость на лицах, серьезные намерения. Да только что она скажет Борису и Святославу-Георгию?

А Звенислава все не унималась.

– Вчерась видела я Ангела, сестра. Так ясно видела, как тебя сейчас вижу, понимаешь? И сказал он мне: возьми все свое приданое, и золото, и утварь златую, и порты.²² И снеси все это в Спасскую обитель. Помощь нужна игуменье Евфросинии в возведении нового славного храма.

²² Наряды.

Предслава похолодела от волнения. «Будь по-вашему, – подумала она. – Новый храм, и правда, пора строить. И вот привел Господь ко мне сестер. И какие-никакие средства появились на начало строительства. Воля Небесная и сестричек моих призывает».

Через месяц нарекли Гордиславу Евдокией. Евпраксией стала Звенислава.

Мысли о новом храме захватили Предславу целиком и полностью.

Учит ли она деток в воскресной школе. Переписывает ли книги. Скручивает ли тонкие, пахнущие медом свечи на радость Господу. А думы все одно вокруг храма крутятся. Думается о том, какое местечко дивное, на берегу Полоты, припасено. О том, что везут уже на телегах плинфу,²³ что печь строят для обжига. Только вот зодчего для строительства все не находилось. Об этом молилась Предслава, когда в ее маленькой келье появилась монахиня и молвила:

– Матушка, там какой-то человек пришел, Иоанном назвался, вас спрашивает.

Она заторопилась в покой, где ожидал незнакомец.

Растерянное, смущенное лицо, натруженные руки, быстро отмечала Предслава, оглядывая мужчину.

Внезапно он упал на колени, перекрестился и с жаром заговорил:

– Матушка Евфросиния, ты ли это призываешь меня на дело великое? Глас я слышал ночью. Сказал он: «Иоанн, восстань, и иди в Сельцо на дело Вседержителю Спасу». Зодчий я, матушка, церкви Параскевы Пятницы и Бориса и Глеба в Бельчицах возводил. Не поверил я гласу, решил, с ночи привиделось. И вот стало пред глазами вдруг темным-темно. Только здесь очнулся. Не гневайся на меня, матушка Евфросиния. Прости, Христом Богом молю, прости!

«Он напуган, – подумала Предслава и жестом показала, чтобы зодчий поднялся с коленей, сел на скамью. – Как же он напуган. Помоги, Господи, найти мне слова успокоения для раба твоего Иоанна».

– Хоть и не я тебя призываю, но слушай ты того гласа. Храм нам надобно возвести. Сподобил Господь своей милостью. Успокойся. Не бойся ничего. Не надо бояться волю Небесную выполнять.

– Да будет так. Высоко в небо храм вознесется, – уже спокойнее сказал Иоанн. – И келью я для игуменьи сделаю пригожую. В форме креста будет та келья...

Предславе казалось: не по дням растет храм, по часам. И тридцати недель не прошло – а вот уже стены высоченные в Полоте отражаются и половина купола.

«Закончим, закончим к ближайшему празднику, – радовалась игуменья, осматривая строящуюся церковь. – И просторно там будет, и красиво».

Только Иоанн почему-то все чаще хмурился. Наконец Предслава не вытерпела, потребовала сказать, в чем дело.

Зодчий замялся.

– Матушка, не знаю, как сказать...

– Что, что Иоанн?

Он лишь развел руками:

– Плинфа, матушка... Закончилась, совсем закончилась, а часть купола, ты же видишь, не сложена. И знаю я, что нет больше в обители денег, все на храм ушли.

Денег, и правда, не было.

До рассвета молилась игуменья. Просила, чтобы сподобил Господь полоцких князей помощь оказать. Очень хотелось закончить храм к празднику. Так хотелось, так сильно, что просто мочи не было думать о рушащихся планах.

²³ Красный плоский кирпич, используемый для строительства храмов в Полоцком княжестве.

Она задула свечу, собираясь ненадолго прилечь. Но до слуха вдруг донеслись стоны, бессвязные выкрики.

«Храм? Неужто беда?» – холодея, подумала Предслава и, забыв покрыть волосы, бросилась к новой церкви.

В предрассветных сумерках у печи для обжига угадывалась фигура зодчего. Иоанн, на коленях, отбивал поклоны, крестился. И кричал во все горло:

– Слава тебе, Господи!

Она подошла ближе и зажала рот рукой, не давая вырваться невольному крику.

В печи появлялась плинфа. Кирпичик за кирпичиком. Из воздуха, из полумрака. Бог знает, откуда. С легким стуком наполнялись находящиеся внутри и различные меж неплотно прикрытыми дверцами подносы...

***2

Ли́ка Вронская вела машину по заливаемому проливным дождем проспекту Вернадского, и ей казалось: машина едет невероятно медленно. Ну вот просто никуда, вредина, не торопится. Игнорирует вжатую в пол педаль газа. Или это все фантазии? Связанные с тем, что предстоящая беседа с отцом Алексеем вызывает панический ужас?..

...Вчера вечером, толкнув обнаруженную в церкви дверь со вполне светской надписью «дежурный священник», Ли́ка вздрогнула. За столом сидел тот самый батюшка, чей разговор со студентом-«ботаником» она невольно подслушала.

Красивое лицо священника вблизи выглядело еще эффектнее. Большие серые глаза с длинными ресницами походили на звезды, чистые, яркие.

Отец Алексей первым нарушил молчание.

– Здравствуйте!

«Улыбка у него тоже располагающая», – подумала Ли́ка и, сделав над собой усилие, приступила к рассказу.

О своих книгах. О странной, внезапно появившейся склонности причинять боль.

До особо пугающей части – про бесов – Ли́ка дойти не успела.

В комнату вошел юноша в длинных черных одеждах. В его руках было огромное, расшитое золотым орнаментом одеяние.

– Ох, балует меня диакон, помогает... Мне надо облачаться к службе, – виновато сказал отец Алексей. – Мы можем поговорить после ее завершения. Или приходите ко мне завтра. Знаете, прихожан после службы много остается, у всех вопросы. Как крестить, как поминать, как венчаться. А завтра я смогу вам уделить больше времени. Если хотите, можете приехать...

И он продиктовал Ли́ке уже знакомый адрес педагогического колледжа.

Ночь прошла на удивление спокойно. Проснувшись задолго до того, как музыкальный центр огласил светлую спальню латиноамериканской мелодией, от тычущегося в лицо холодного носа Снапа, Ли́ка улыбнулась. Она и забыла, что можно спать так сладко, крепко и безмятежно – как в детстве. Но потом чувство необычайной душевной гармонии вдруг исчезло.

Ли́ка собиралась на встречу с отцом Алексеем и ужасалась тому, что лезло в голову. Ей, без особого фанатизма относящейся к своей внешности, почему-то срочно понадобилось сделать маникюр или педикюр.

Съездить к родителям, появиться в офисе, или навестить подругу Маню, или...

Потом в считанные секунды спряталось солнце, в стекло настойчиво затарабанили струи дождя.

«А зонтик остался в машине, – уныло подумала Лика и выключила фен, машинально отметив: длинные светлые волосы уже более-менее уложены. – Как же не хочется выбираться из дома. Но надо прекращать этот мысленный понос. И ехать к отцу Алексею. Поняли, бесы?! Поняли, мерзкие твари?! Я буду сопротивляться!»

...Сопровивляться получалось с трудом. Верный «фордик», казалось, вступил в заговор с темными силами и вез Лику по залитым водой проспектам нарочито медленно.

Припарковав наконец строптивую машину у колледжа, она быстро взбежала по ступенькам, толкнула тяжелую дверь. Бдительная вахтерша за столиком у входа сразу же огласила холл зычным:

– Девушка, вы к кому?

– К... отцу Алексею, – пролепетала Лика, понимая, что фамилию священника она так и не выяснила.

– Второй этаж, – царственно кивнула вахтерша, преисполняясь чувства собственной значимости.

В аудитории не было никого, кроме стоящего у окна мужчины в темно-синей «тройке».

– Здравствуйте! Как непривычно вас в такой одежде видеть!

– Присаживайтесь, – отец Алексей махнул рукой на первую парту напротив учительского стола. – Непривычно, говорите? Мне, если честно, в церковном платье уже удобнее. Иногда ловлю себя на мысли, что смотрю на костюм и мне неловко, брюки-то видны. Но преподавать в рясе не стоит. Пару раз было, не успевал переодеваться. Студенты отвлекаются.

Лика поерзала на стуле. Говорить про бесов страшно, лучше отсрочить, спросить что-нибудь другое. Тем более это действительно любопытно – священник, преподающий физику.

– В семинарию я уже после пединститута поступил, – охотно откликнулся отец Алексей. – Мама у меня болела, врачи говорили, шансов нет. Онкология, запущенная. Лекарства оказались бесполезны, с утра до ночи – крики, стоны, сил не было слушать, и жалко, помочь нельзя. Тогда я впервые за много лет пошел в церковь. Молиться почти не умел, только просил: помоги, Господи. После третьего похода в храм маме стало лучше. Врачи не верили, что такое чудесное исцеление возможно. Я понял, что это небеса дали знак.

– Знак... Знаете, наверное, мне тоже был дан знак, – выдохнула Лика.

И поняла, что больше не волнуется, что действительно может теперь рассказать все о самом страшном. Присутствие отца Алексея вызывало у нее не испытываемые ранее эмоции. Очищение, умиротворение, покой, доверие. Он сам вдруг показался Лике храмом Божиим. В котором всегда ждут, всегда помогут.

– Ну, Лика, что же вы так сурово к себе относитесь? – в серых глазах-звездах мелькнула укори́зна. – Успокойтесь, не преувеличивайте. Нет в вас никаких бесов. Если нечистая сила в плен берет человека, это по-другому выглядит. Я видел такое, во время паломничества в Троице-Сергиеву лавру. Туристов там больше, чем монахов и священников. Вошла в храм группа, я и внимания не обратил, молился, так, заметил краем глаза, что, похоже, экскурсовод что-то объясняет. Потом вдруг слышу – как будто звериный рык. Женщина на пол упала, пена изо рта, кричит, себя не помнит. Ее кто-то подхватил, из церкви вывел.

– И что с ней потом стало?

– Не знаю. Надеюсь, хватило ей сил пойти к батюшке. Сам человек уже не может справиться с нечистым. И у священника часто сразу не получается беса изгнать. Противится этому бес.

– Вот-вот, – с жаром заговорила Вронская. – Со мной тоже так было. В церковь вчера еле доехала. Сегодня к вам на встречу так не хотелось идти. Противится эта гадость, совершенно точно противится!

– Это другое, – твердо сказал отец Алексей. – Это препятствия. Но не плен. Зачем-то было нужно, чтобы вы в церковь пришли.

– Живу плохо. Исправляться надо, наверное?

– Все мы грешные, – священник едва заметно пожал плечами. – Но смертные грехи... Мне кажется, вряд ли. Только вот аборт... Многие думают, не убийство.

Лица отрицательно покачала головой.

– Слава Богу! Аборт – большой грех, и православная церковь об этом говорит. Многие ведь не знают. А то, что живете невенчанными, так это ведь исправить можно. Исправите, когда поймете, что супружество с благословением Божиим и лучше, и чище. И расклетесь. Семья есть основа Церкви Христовой. Источник личного блага, счастья великого. В свое время и вы поймете это... Но теперь... Нет, здесь что-то другое. Я думаю, зачем-то было угодно, чтобы вы появились в храме, открыли свое сердце.

От этих рассуждений Лице снова стало страшно. Неопределенность пугает. И звучит это как-то... очень уж непонятно... Зачем-то было нужно... Кому? ТАМ? ЕМУ? ИМ? Но ведь она, она... же обычная. Не самая плохая, не самая хорошая. И ей нравится жить так, как она живет. Вот прекратит истязать Франсуа стервозными пытками, и все наладится. Офис, издательство, встречи с подружками, спортзал. Не надо никаких изменений. Не надо, не хочу, мысленно твердила Лица, пугаясь все больше и больше.

Чтобы хоть как-то справиться со страхом, она решила перевести разговор на другую тему.

– Кстати, я ведь вчера случайно ваш разговор с парнем услышала. Извините, действительно не нарочно.

– О Господи! – перебил ее священник. – Этот мальчик, Николай... Мне приходилось все время себе напоминать, что все мы грешны, что надо возлюбить ближнего своего. Он говорил такие ужасные вещи! Он оскорблял церковь, смеялся над верующими. Спрашивал про мою личную жизнь, про доходы. Как говорят студенты нашего колледжа, достал! Хотя все мы грешные, и надо прощать друг другу обиды, как милостивый Отец наш Небесный отпускает наши прегрешения.

– Про личную жизнь я не слышала.

– А мы сначала в дежурном покое говорили. Потом он попросил показать, где исповедь проходит. Затем сказал, что убить хочет.

– Знаете, меня слегка удивило, что вы ему встречу на завтра назначили.

– Он говорил неискренне, я это понял. Мне ведь приходилось в тюрьмах и службы проводить, и исповедовать. Он не преступник, этот мальчик, и не замыслил дела небогоугодного. Но что ему было нужно – я так и не понял. Кстати, а Коля ведь и не пришел сегодня. Простите...

Отец Алексей ответил на звонок сотового телефона. Лица успела заметить – на дисплее телефона появилась фотография женщины.

– Моя супруга, – закончив разговор, отец Алексей залистал фотоархив в памяти мобильного. – А это сын, вот дочка.

«Жена, – подумала Лица, с интересом рассматривая изображение, – совсем не похожа на тот образ, который ассоциируется у меня со словом „матушка“. Красивая, со стильным каре. Темно-рыжие волосы, скорее всего, крашенные. А детям-то лет десять-пятнадцать. Получается, отцу Алексею ближе к сорока. Просто выглядит моложе».

– Не бойтесь, Лица, – сказал на прощанье священник. – Вижу, напуганы, вижу, переживаете. Доверьте свое сердце и помыслы Богу. На все его воля.

– Хорошо, – она сглотнула вдруг подступивший к горлу комок. – Спасибо вам большое. Мне так легко стало, как камень с души упал. Вы на машине? Подвезти вас?

Отец Алексей кивнул.

– Да, если не трудно, к церкви. Что-то не завелись сегодня мои «Жигули».

Уже в «Форде», скептически оглядев заваленный плюшевыми собачками салон, священник щелкнул замком портфеля.

– Вот, возьмите, – он протянул Лике икону, книгу и компакт-диск. – Да поможет вам Бог!

На диске оказались утренние и вечерние молитвы. Под их возвышенное звучание Вронская и не заметила, как доехала до церкви.

Попрощавшись со священником, она решила зайти к своему приятелю, следовательно Владимиру Седову.

«Вчера переговорить с Володей не получилось. Но сегодня точно его найду, меня просто распирает от желания рассказать новости, – думала Вронская, входя в здание. – Как же хорошо сейчас на душе! Как радостно! Как спокойно!»

Но буквально через минуту от светлого настроения не осталось и следа.

В коридоре она встретила оперативника Пашу. И только собралась поинтересоваться, как у него дела, как поживает ее подруга и Пашина жена, инструктор по аэробике Татьяна. Но, не дожидаясь вопросов, парень замахал руками.

– погоди, не обижайся, не до тебя! А если ты к Володе, то его нет, он с ночи на выезде. Опять убийство. Два трупа вроде. Я сейчас туда, времени нет вообще.

– Подожди. А кого убили? Опять бомжей или алкоголиков?

Паша отрицательно покачал головой.

– Вроде, передали, два молодых парня. Похоже, близнецы.

– Близнецы?!

Какие-то мгновения Лике казалось: в мозгу словно защелкали стеклышки калейдоскопа, вот-вот должна сложиться картинка.

Церковь, полутемная комнатка, отец Алексей, мальчик-«ботаник».

Да. Точно. Он говорил о том, что хочет убить однокурсников-близнецов.

«Как же так, – ошалело подумала Лика. – Отец Алексей, как же так? А как же Бог? А ваша якобы интуиция? Он убил, убил. Близнецы... Маловероятно, чтобы совпадение».

– Я еду с тобой, – Лика поймала Пашу за рукав. – Мне надо поговорить с Володей. Если все так, как я предполагаю, то это очень срочно!

***3

– Гора Кайлас, находящаяся в Тибете, почитается как святыня всеми религиями близлежащих стран...

Гаутама почти не прислушивался к голосу гида в традиционной одежде тибетского монаха.

От красоты величественной горы, возвышающейся среди снежных вершин над долиной, захватывало дух.

Он жадно смотрел на сияющие в лучах солнца снежные склоны. На вечных кочевников, равнодушно пасущих стада овец. На зеленые и красные полотнища трепещущих на ветру молитвенных флагов. Рога яков, чортен-пирамида, сложенная из камней со священными мантрами, к юго-западу от Кайлас. Все это лишь оттеняло чистоту снегов, рождавших чистоту чувств. А высота и безграничность небесного свода, подсвеченного янтарными облаками, вызвали ощущение божественного присутствия.

– Это магазин «Манеки-неко»? Мне нужен Александр Рубинов.

Горько вздохнув, Гаутама выключил диск с виртуальной экскурсией в Тибет и закрыл ноутбук.

Возвращение в реальность показалась ему слишком жестоким. Друзья и знакомые всегда называли его не иначе как Гаутама, в честь Сиддхартхи Гаутамы. Или Будды Шакьямуни, что в принципе одно и то же, так как является именем божества, покорившего его своим учением очень давно.

Еще и это название магазина, «Манеки-неко». Манеки-неко никакого отношения к любимому буддизму не имеет. Это японский талисман удачи, кошка с поднятой лапкой. Если поднята правая лапа, кошка приманивает деньги и удачу, левая – покупателей и гостей. Этот магазин приобретался уже как зарегистрированное предприятие. С перерегистрацией, как выяснилось, столько геморроя, что Гаутама решил не портить себе карму лишней нервотрепкой. За что бороться, если все равно понятно, что в магазинчике он будет торговать дешевой сувенирной ерундой. Модные деревца счастья в духе остроумного фэн-шуй, древнегерманские руны, кельтские амулеты, немного индуизма, чуть-чуть буддизма, Япония... Русскому человеку в принципе не важны значение и смысл приобретаемого сувенира. Главное – чтобы было не понятно и не очень дорого. Конечно, есть салоны, где продаются настоящие вещи, эксклюзивные раритеты, где нет места китайскому ширпотребу от эзотерики. Но для налаживания работы такого предприятия нужны значительные оборотные средства – а их пока нет...

– Это Александр Рубинов. Слушаю вас.

– Саша, не узнал, богатым будешь.

– Я вас тоже не узнал, – смущенно заметил Гаутама.

– Игорь, оптовик твой!

Выслушав информацию о новых поступлениях на склад, Гаутама собирался продолжить увлекательное путешествие по Тибету, но звонок телефона опять бесцеремонно прервал виртуальную экскурсию. Однако на сей раз Гаутама даже обрадовался.

– Конечно, дорогая, сейчас я закрываюсь. И заеду за тобой.

Ради своей жены Инги продавец и владелец магазина «Манеки-неко» и торговал до ночи.

Они живут в Жуковском – не ближний свет. А Инга недавно устроилась в Художественный музей. Освобождается в связи с переписыванием экспонатов фондов, как правило, около полуночи. Нечего ей на электричке добираться, на станции всякое может случиться. Жизнь и так полна страданий. И не надо повышать их концентрацию в тех случаях, когда этого можно избежать...

***4

– Отпуска не будет! Отпуска не будет! Не будет отпуска, следовательно Седов. Прр-р-еступность наступает!

Амнистия, зеленая вредная попугайха, презентованная друзьями на День юриста, с годами становилась все более и более болтливой. В общем и целом, это следователя Владимира Седова совершенно устраивало. Есть повод повеселиться в перерывах между рутинной работой.

Но! Копировать голос шефа, Карпа! Подвергать сомнению возможность уехать с женой и сынишкой куда глаза глядят! Это уже все-таки перебор...

Володя быстро сложил из черновика какого-то документа самолетик и пустил его в свою любимицу. Она, перелетев с сейфа на шкаф, жизнерадостно продолжила:

– Отпуска не будет!

«Это было бы действительно слишком жестоко, – подумал следователь, открывая лежавшую перед ним папку. – Неприятности сыплются, как из худого решета. С утра проходило совещание, пришлось напяливать на себя форму. Пред очи начальства в джинсах и сви-

тере не предстанешь. Прокурору города и другим шишкам, конечно, абсолютно наплевать, что я все совешание думаю о том, будто мне на плечи надели шкаф. Еще и это ночное дежурство вне очереди. Людка рвет и мечет. Я сегодня вечером обещал к Саньке в детский сад сходить. Там что-то вроде первого спектакля намечалось. Не получилось, пришлось выйти на замену. И Амнистия разоралась. Вот уж не везет так не везет. Да и дело это, по Лилии Польшиной, кстати, тоже далеко не из разряда счастливых случаев...»

Почему уходивший на пенсию следователь Егор Михайлович Розанов сам не закрыл это уголовное дело, Володя вначале так и не понял.

Труп женщины (личность сразу же установили, так как тело нашли соседи) обнаружили висящим на крюке массивной люстры. Как можно предположить, невысокая Лилия вытащила в центр комнаты журнальный столик, и...

Мнение эксперта, проводившего вскрытие, было сформулировано предельно четко: «Смерть гражданки Польшиной Л. О. наступила от механической асфиксии вследствие сдавливания органов шеи петлей. Об этом свидетельствуют следующие признаки: наличие в верхней части шеи одиночной замкнутой странгуляционной борозды, полнокровие внутренних органов, острое вздутие легких, жидкое состояние крови и переполнение ею правых отделов сердца». Черным по белому. Самоубийство. Не выявлено ни единого, даже легкого телесного повреждения. Ни ссадины, ни царапинки, ничего.

Показания свидетелей тоже говорили в пользу версии о добровольном расставании с этим бранным миром. Никаких посетителей и гостей к двадцатипятилетней девушке не приходило.

Выходит, сама?

Но все же Егор Михайлович не закрывал дело, упрямо продолжая получать санкции на продолжение расследования.

Володя зашелестел протоколами допросов.

«Да, понятно, – подумал он, откидываясь на спинку стула. – Судя по беседам с лицами, входившими в круг общения покойной, у девицы просто не было причин лезть в петлю. Хорошая должность в банке. Своя квартира, за которую почти выплачен кредит. Любимый мужчина. И – она долго выбирала курорт для отдыха. Да разве человек, оплативший турецкий пятизвездочный отель, станет накануне отдыха сводить с жизнью счета? Розанов прав: здесь что-то не так. А разобраться не мог, возраст, болячки постоянные. Так что придется мне. С одной стороны, правильно это. Убийца не должен разгуливать по свободе, неотвратимость наказания и все такое. С другой – у меня в последнее время одни „висяки“ идут. А здесь тоже быстрого результата ждать бессмысленно. Так что Карп всю душу вымотает, прежде чем хотя бы на две недели отпустит».

– Отпуска не будет, – в унисон мыслям следователя снова завершала Амнистия. – Не будет!

Внезапно она прервала свое щебетанье, нахохлилась, искоса поглядывая на стоящий рядом со следователем трещащий телефон. Этот аппарат с громкой связью Амнистия явно недолюбливала.

– Володя, на выезд, эксперты и криминалисты уже уехали, – передал дежурный. – «На высотках» два трупа. Обнаруживший тела мужчина вызвал милицию, дожидается приезда на месте происшествия. Из местного отделения все уже там.

Седов негромко выругался. «На высотках» — это неофициальное название квартала, который строится в его округе на месте некогда ярко освещенной и совершенно не криминальной березовой рощи.

Отличная была роща, прекрасное место для отдыха. Но вот все никак не успокоятся чиновники от градостроительства. Округ – не самый центр, где на месте исторических зданий уже давно стоит много офисных имитаций с современными стеклопакетами. Но и не

окраина, двухкомнатная квартира в более-менее приличном доме здесь обходится минимум в триста тысяч долларов. Поэтому кому-то в голову пришла не то чтобы гениальная, но коммерчески выгодная идея. «Уплотнить» рощу. И возвести на ее месте пару больших жилых домов.

– Вот придурки! Все денег хотят урвать. А потом еще удивляются, почему Москва под землю проваливается, – ругались следователи прокуратуры, узнав новость. – Да не резиновый же город!

Протесты жильцов ни к чему не привели, их просто оттаскивали от деревьев, и сминали жалкие, от руки написанные плакатики, и рубили гулко стонущие березы.

На сегодня от рощи осталась куца просвечивающаяся белая полоса вдоль дороги. Она упрямо напоминала Седову жидкую прядь, которой при советской власти какой-нибудь председатель районного парткома маскировал лысину.

Дома строятся по-богатому. И как-то по-дурацки. Еще не закончена работа над фундаментом, а повсюду уже высятся горы кирпича, блоков. Охрана на стройке есть, но это почему-то не спасает от происшествий. То алкоголики там соберутся попьанствовать, а потом при помощи ножей выясняют, кто кого уважает. То в яму, под фундамент раскопанную, какой-нибудь горемыка угодит. Наверное, по давней русской традиции, охранники на ночь глядя «закладывают за воротник».

В роще сроду ничего подобного не происходило! А теперь вот и еще одна новость – «на высотках» два трупа...

Несмотря на ночь возле стройки, слабо освещенной светом залепленных грязью прожекторов, толпилось много людей. Володя сразу понял: милиции приходится прикладывать усилия для того, чтобы преградить доступ толпы на место происшествия.

– Была драка? Огнестрельное ранение? – поинтересовался Володя у визуально знакомого милиционера.

Тот пожал плечами:

– Насчет драки не знаю. Стреляли с глушителем, звуков выстрелов не было. Ну да вон тот мужчина в камуфляже, Алексей Адамов, вам все расскажет. Тут другое. Дед близнецов – крутой чин в ФСБ. За лентой полно ребят из этого ведомства. А простой народ поглазеть вышел. Дед-то у Грековых – человек старой закалки, правильный, принципиальный, морали всем читал. А тут такая беда – внуков не уберег.

Упоминание о ФСБ неприятно царапнуло.

«Спокойной работы не видать», – с тоской подумал Володя и перешагнул через желто-лимонную ленту ограждения.

На земле лежали двое парней. Смерть разворотила одному грудь, второму череп, но все же с первого взгляда было понятно – действительно, близнецы, очень похожи. Одежда на них разная. На том, что ближе, – джинсовая куртка, на втором – короткая кожанка. Но темные выющиеся волосы, скуластые лица, подтянутые фигуры – как две капли воды.

Возле тел работали эксперты и криминалисты. Первый порыв – присоединиться к коллегам, так проще составлять протокол осмотра места происшествия.

Но Седов решил вначале поговорить с человеком, обнаружившим трупы. Протокол, схема – это минимум пару часов занимает. На часах уже три ночи, что свидетеля задерживать.

Он приблизился к сидящему на кирпичах мужчине, одетому в камуфляж. И сразу же удивился резкому диссонансу между крепкой, массивной, похожей на спецназовскую фигурой и заплаканным лицом.

«Переигрывает, – решил Володя, устраиваясь рядом и извлекая из портфеля протокол допроса. – Смерть – это всегда трагедия. Но такие мужики, с явно военной выправкой, сле-

зами обычно не заливаются. Переигрываешь, дорогой ты мой человек. Зачем? Почему? Буду разбираться».

Записав фамилию, имя, отчество, а также адрес, Володя пристально посмотрел на покрасневшее лицо свидетеля. Губы Алексея Адамова дрожали.

– Леночка, доченька. Четыре года всего. Как мы с женой ее ждали, как хотели, чтобы родилась именно девочка, – всхлипнул Адамов. – Уже три недели, как пропала. Таня, это жена моя, буквально на пару минут ее возле магазина оставила.

– Я помню, – следователь нахмурился и стал покусывать кончик ручки. Ему сразу же стало нестерпимо стыдно за свои подозрения. – По сводке проходило. Девочка объявлена в розыск. Какой-то кошмар творится. В последнее время столько детей исчезло. Не понимаю, как земля носит этих ублюдков! У меня, уже ко всему привычного, от печальной статистики мороз по коже. Три года, пять лет. Ужас...

Адамов отвернулся, промокнул украдкой глаза. Потом заговорил, отстраненно, как робот.

– Сам майор. Знаю: все, что может, милиция делает. Претензий нет. Но мне постоянно кажется: где-то здесь наша Леночка. Голос ее слышу: «Папа, папа!» Могу полночи по улицам ходить. Понимаю, бессмысленно. И все равно ищу.

– Надо надеяться, – вырвалось у Володи. – Даже если кажется, что ничего не исправить.

– Только поэтому и живу. Ищу, надеюсь. А на стройке этой дурацкой, мне сначала показалось, драка. Что двое одного метелят. Я довольно далеко был, еще возле дороги. Но здесь прожектора. Бросился, закричал. Еще не добежал – упали те двое.

– Вы видели того, кто стрелял?

– Лица – нет, не разглядел. Фигура, кажется, худощавая. Время я упустил, неправильно сориентировался. Бросился к парням, один еще стонал. Но то, что не жильцы, понял. Сам первую чеченскую прошел. Знаю, что к чему. Но все равно – «Скорую» вызвал, милицию. Бегал здесь как сумасшедший. В одной руке мобильник, в другой – арматуру какую-то нашел. Никого. Убийца как сквозь землю провалился.

– Негусто, – пробормотал Седов и стал уточнять, в котором часу произошло убийство.

– Нет! Вы не имеете права изымать вещественные доказательства без санкции следователя! Что вы мне свое удостоверение показываете!

Отложив недописанный протокол и прижав его к портфелю кирпичом, Володя побежал к экспертам. В руках Сергея Бояринова белел клочок бумаги.

– Вот, Володя, нашли в кармане парня, Никиты, кажется. А товарищи из ФСБ требуют отдать им эту записку.

Седов почувствовал, как его сканируют две пары глаз. Потом мужчины презрительно переглянулись. Не Апполон, да, брюшко, подбородок двойной, простодушная физиономия, явственно читалось на их лицах.

– По какому праву вы находитесь на месте происшествия? – холодно поинтересовался Седов. – Нет, меня не интересуют ваши «корочки». Пожалуйста, предъявите документы, предписывающие совершать выемку. Не можете? Тогда прошу вас отойти в сторону.

– Послушайте, у вас ведь тоже есть коллеги. Дедушка близнецов, Федор Борисович, в реанимации! – нервно воскликнул один из чекистов с роскошными восточными усами. – Мы хотим помочь нашему начальству. Такая страшная трагедия произошла. Хорошие пацанята были, до сих пор поверить не могу... Федор Борисович сказал, что в его сейфе с документами кто-то покопался.

Седов почувствовал: еще немного, и сорвется. Нашли дурака! Неужели они думают, что он им поверит. Ага, как же, просто не Лубянка, а проходной двор какой-то. Прыткие при жизни внучки были! Пришли на режимный охраняемый объект, забрались в служебный сейф...

– У Федора Борисовича и дома сейф стоял, – пояснил второй фээсбэшник с довольно симпатичным, невозмутимым лицом.

Володя сделал глубокий вдох, потом резко выдохнул воздух. Это помогло справиться с соблазном помахать кулаками.

– Я с уважением отношусь к вам и к вашему начальнику. Честное слово, у меня работы – выше крыши и без этого расследования. Если здесь все так серьезно. Если речь идет о каких-то документах, обнаружения которых вы опасаетесь, – нет проблем. Забирайте дело в свое производство. У вас всегда был хороший следственный аппарат. Но пока этого не произошло, здесь распоряжаюсь я. Это понятно?!

Все-таки сорвавшись на крик, Седов успел заметить: тот, что с усами, явно старается прочесть уже запечатанную в прозрачный пакет записку через плечо Сергея Бояринова. И кажется, у него это получилось. Лицо определенно стало менее напряженным.

Володя тоже подошел ближе, взял в руки обнаруженную бумагу.

«Крест Евфросинии Полоцкой находится:

всечестная, Евфросиние, наша, мати, всехвальная, о, твое, смирение, явися, искушений, от, крепкою, стеною, странник, еси, молила, Небесного, врача, укрепленная, Вышняго, силаю».

М-да... Ничего не понятно. Абракадабра какая-то. Придется разбираться. Но назвался груздем – полезай в кузов.

Зато с оружием все более-менее ясно. В разложенных на земле пакетиках – две гильзы, судя по виду, выпущенных из пистолета Макарова.

– А ствол нашли? – поинтересовался Седов у Сергея, который, натянув перчатки, снова склонился над телами.

Тот покачал головой.

– Нет. Но ты же видишь, какое здесь место. Рассветет – имеет смысл поискать. Может, в яму зашвырнул или в кучах стройматериалов спрятал.

– Выстрелы были произведены с близкого расстояния, – отметил Сергей, соскабливая с джинсовой куртки следы пороха. – Обрати внимание, отметки характерные на одежде. Форма ран. Он расстрелял их в упор.

«Скотина, – подумал Володя и бросил взгляд за ограждение. Количество стоявших там людей уменьшилось, но незначительно. – И те, кто таращится, – тоже скоты. Никогда не понимал этого жадного любопытства. Ну ладно, двоих понятых пригласили. Но остальных-то что не спится? Смотрят, разговаривают. Видать, дедушка этих ребяток – и впрямь что-то вроде местной достопримечательности».

В первых лучах солнца убитые парни стали выглядеть особенно жутко. Седов весь извелся: осмотр давно закончен, надо забрать залитые кровью тела и отвезти их в морг. А спецмашина все не приезжает. Только трещат милицейские рации: «Объявлен план „Перехват“, разыскивается особо опасный преступник». И – до сих пор никаких результатов, хотя район фактически оцеплен. Логичное завершение дня, в котором с самого начала все пошло шиворот-навыворот...

Усталость валила Седова с ног, нашептывала: все, основная работа сделана, можно ехать домой и хоть немного поспать.

Но настойчивость и педантичность выиграла у усталости.

Следователь снова и снова осматривал место происшествия, говорил с экспертами, допрашивал свидетелей. Хотя и понимал – в большинстве своем эти допросы – напрасный труд, очень редко даже очевидцы дают подробное описание реальной внешности преступника. А тут – стройка, ночь. Скорее всего, никто ничего не видел. Однако всем кажется: видели, подозревали, как чувствовали. Внушают себе, путают следствие. Но все же мини-

мальный шанс приблизиться к преступнику есть. А значит, надо терпеть и плевать на уже едва ворочающийся язык, на слипающиеся глаза.

В девять часов следователь набрал номер оперативника Паши. Не то чтобы он не доверял местным милиционерам, повода не было усомниться в их компетентности. Зато было много возможностей понять: на Пашу можно положиться, у него интуиция, и хватка, и энергия через край бьет. Потому что занимается человек тем делом, которое ему по душе.

Занятый оформлением бумаг, Володя не заметил, как возле стройки притормозил небольшой светло-голубой «Форд» Лики.

Поднял глаза от схемы – а перед ним побледневшее лицо Вронской, протянутая для рукопожатия Пашина ладонь.

– Тебя-то сюда каким ветром? – простонал Володя, неприязненно разглядывая Лику. – Если ты опять за консультацией по книге, я тебя урою. Всю ночь глаз не сомкнул. Умеешь ты выбрать момент, ничего не скажешь.

– Володь, мне есть что тебе рассказать, – решительно заявила Вронская, присаживаясь на сложенные горкой красные кирпичи. – Так получилось, что на днях я познакомилась с потрясающим человеком. Священником, отцом Алексеем. И случайно услышала его разговор...

Седов слушал Лику и хмурился. Получается, близнецы учились на факультете журналистики Института социологии, политологии и предпринимательства. А что, если их смерть – следствие не антипатии со стороны такого же юного однокурсника, а расплата за излишне острую публицистику?

Версии, версии...

Их много, но пока они ничуть не помогают в ответе на главный вопрос. Где найти того ублюдка, который хладнокровно отправил на тот свет двоих девятнадцатилетних мальчиков?

Глава 3

***1

Полоцк, 1161 год

– Не получается! Ничего не получается!

Ювелиру Лазарю Богше хотелось разрыдаться от отчаяния. Он швырнул на пол кисть, но гнев не отпускал. Наоборот, сделался еще сильнее. Тогда Лазарь разодрал кожаный ремень, стягивающий льняные волосы, бросил его в печь. Следом полетели испорченные иконки.

...Как он радовался, когда игуменья Спасского монастыря Евфросиния заказала в его мастерской крест для своей обители! Такая честь! Матушка – святая, слава о ней идет по всей земле полоцкой. Не иначе как сам Господь ей благоволит.

Непонятно, непостижимо, чудно. В считанные годы возникла в Сельце обитель для невест Христовых. Дивный храм вознесся до небес на берегу Полоты, светлый, красивый. Все стены его, и своды, и купола украшены фресками. И так покойно на сердце становится, когда глядишь на те фрески. Лик самой Евфросинии можно различить справа от входа. Люди говорили, гневалась игуменья, когда увидела свое изображение среди святых да апостолов. Распоряжалась убрать фреску. Но не исполнили мастера ее волю. Считали, что красотой духовной и телесной, великим подвигом ради веры заслужила себе Евфросиния место в храме Божьем.

Не знает покоя игуменья. Вслед за женским мужской монастырь построила. Послала слугу своего Михаила в Царьград,²⁴ к византийскому императору Мануилу Комнину и патриарху Луке Хрисовергу. Послала с дарами да с просьбой – прислать список с иконы Богородицы Эфесской, написанной апостолом Лукой с самой Пресвятой Девы Марии. И еще одно задание дала игуменья Михаилу. Доставить в Полоцк святыни: капли крови Иисуса Христа, частицу креста Господнего, камень от гроба Богородицы да мощи святых. Разместить эти реликвии надлежит в кипарисовом ковчеге в форме креста.

Славный крест вышел у Лазаря, шестиконечный, обитый золотыми и серебряными пластинами, выложенный жемчугом.

...Вот – ювелир покосился на лежащий на столе подле печи крест – в красных отблесках огня сверкает золото. А как камни горят – изумруды, рубины, сапфиры.

Но нет на сердце покоя. Решил Лазарь украсить крест эмалью. Красиво это очень, византийские мастера давно так делают.

А не получается ничего!

Все, все уже давно придумано. На верхних концах должно разместить иконки с ликами Христа, Богородицы и Иоанна Предтечи. В центре нижнего перекрестья – евангелисты, а по концам – архангелы, Гавриил и Михаил. В честь игуменьи – лик святой Евфросинии Александрийской. Святой Георгий, святая София – во славу родителей игуменьи. И обратную сторону, обитую серебром, обязательно надо украсить.

Да только трудна эта работа. Лик – с ноготок, не хотят крепиться перегородки, расплывается эмаль, нечетко изображение...

– Доброго здравия, Лазарь!

В своем отчаянии он не заметил, как отворилась дверь мастерской и на пороге возникла игуменья.

²⁴ Константинополь.

Очнулся лишь от звонкого голоса. И так покойно и светло было лицо Предславы, что жгучий стыд снова затерзал ювелира.

– Подвел я тебя, матушка. Не выходит ничего с эмалью, как ни бьюсь, не выходит.

– Красота-то какая! – восхищенно выдохнула Предслава, приблизившись к ковчегу. – Не кручинься, Лазарь. Коли сподобил тебя Господь такое диво создать, то завершишь ты работу. Непременно завершишь. Просто тяжкие испытания выпали тебе на пути сем. Нести этот крест надобно покорно.

– Покорно, покорно, – забормотал Лазарь. Наступил на кисть, поднял ее с пола. – Да как покорно, если не выходит ничего!

– А ты молись. Призывай милость Божью. Проси о помощи. И воздастся тебе. Сложно бывает волю Господа выполнить. Великое усердие надобно.

– Эх, игуменья. Мне бы твое усердие да смирение!

Предслава слабо улыбнулась.

– И мне приходится тяжело. Знаю, что Господь призвал меня. В трудах я, днем и ночью, в посте, в молитве. А как придут в школу при монастыре детки сестер, невольно заболит сердце. Все думаю: и у меня могли бы быть такие детки. Не жалею я, что оставила мирскую суету. Но кручина – она все равно находит. Молюсь, пошусь. И становится легче.

Благословляя ювелира, Предслава подняла висевший поверх рясы крест. Потом попрощалась, тихо затворила за собой двери.

Лазарь опустилсЯ пред иконой на колени.

Он и не помнил, как снова взял кисть. Работал, наверное, долго.

А когда загорелась за окном мастерской утренняя заря, то понял ювелир: первая эмалевая иконка готова. Лик Христа вышел именно таким, как в его снах. Прекрасным, светлым. Лик – с ноготок величиной. А все четко-четко прописано – глаза, волосы, губы. Да каждый пальчик на руке Спасителя можно различить!

Через месяц вдоль всего креста вывел Лазарь надпись: «В лето 6669 кладет Евфросиния святой крест в монастыре в церкви Святого Спаса. Святое дерево бесценно, окова же его золото, и серебро, и камни, и жемчуг на 100 гривен. Да не выносят его из монастыря никогда, и не продают, не отдают. Если же не послушает кто и вынесет из монастыря, да не поможет ему честный крест ни в жизни этой, ни в будущей, да проклят он будет Святой Животворящей Троицей и святыми отцами, и да постигнет его судьба Иуды, предавшего Христа. Кто же осмелится совершить такое, властелин, либо князь, либо епископ или игуменья, либо другой какой человек, да будет на нем это проклятие. Евфросинию же, рабу Христову, заказавшую этот крест, ждет жизнь вечная со всеми святыми...».²⁵

Как только было закончено последнее слово обращения, мастер вздрогнул.

Да, отделка креста поразительна. Крупный, чуть розоватый жемчуг, как роса, окаймляет золотую пластину. Зеленее травы изумруды, краснее крови рубины, синее неба сапфиры.

Эмалевые иконки. Их двадцать. И от каждой дух захватывает. Ярчайшие краски – голубые или зеленоватые нимбы над святыми, синие и красные одеяния, светлые лики, белоснежные руки. Различима каждая прядь волос, каждый пальчик, кресты в руках, даже повязки, стягивающие кудри.

Но все эти мельчайшие детали, привычные для очей ювелира, никак не объясняют непостижимого чуда, неопишуемой красоты, исходящей от ковчега нетлетворной благодати.

– Слава тебе, Господи, – прошептал Лазарь, истово крестясь. – Не я этот крест сделал, но появился он по воле Божьей...

²⁵ В. Орлов. Евфросиния Полоцкая. Упомянутый 6669 год – 1161-й по новому летоисчислению.

***2

Дура дурой оказалась эта гламурная львица Ариадна Кирсанова!

– Как вы предпочитаете отдыхать?

– Ну, чтобы рядом были красавчег а-ля натюрель. С мани-мани. Нет мани, мало мани – это убищцо об стенку.

«Мне нравится проводить свободное время рядом с привлекательными мужчинами. Которые уже добились в жизни успеха. Можно по-разному относиться к деньгам. Но я считаю, что они являются важным критерием не только финансовой, но и интеллектуальной состоятельности. Не зря ведь говорят: если ты такой умный, то почему не богатый», – набрал на компьютере Коля Вадюшин.

И с неудовольствием посмотрел на свой диктофон, старый, на стандартной кассете. Все журналисты уже давно работают на «цифре», поэтому доставать перед началом интервью свой допотопный «кирпич» всегда немного стыдно.

«Ладно, переживем, – решил Коля, нажимая на кнопку воспроизведения записи. – У меня старые ботинки, затертые джинсы. Я привык. А диктофон работает отлично».

И он снова стал переписывать скудные мыслишки гламурной львицы более-менее нормальным языком.

Без этого никак. Газета, с которой он сотрудничает, при всей своей легкости и желтизне вот это – «убищцо об стенку» – никогда не напечатает. Редактор начнет возмущаться, отправит дорабатывать текст. И все это – лишняя трата времени. А его нет, не хватает катастрофически. Учиться и одновременно зарабатывать на обучение – мягко говоря, нелегко.

«Хорошо еще, что мне удалось приткнуться в эту газетенку. Гонорары там шикарные. Час мучений во время интервью с гламурной тупицей. Два часа жутких страданий перед компом. Зато потом пятьсот баксов в кармане, – думал Коля, нервно проматывая на диктофоне уж очень неадаптируемый пассаж своей собеседницы. – Причем что меня всегда поражало. Пошлешь на визу такой вот причесанный текст. И никто из этих недоумков почти правок не вносит. И не удивляются, с чего бы это мы такими грамотными стали, говорим в полном соответствии с правилами русского языка».

– По приколу можно книжонку прошмонать. Те, что для всех – отстой. Круто: Коэльо, Мурано.

– Кто, простите?

– Харуки Мурано. Он крут! Меня прет!

– Может, Мураками?

– Ах да, Мурано – это ж тачка. Мурано – не круто. Инфинтити – улет.

«Под настроение люблю почитать. Массовая популярная литература мне не очень интересна. Из особо понравившихся писателей могу перечислить Пауло Коэльо и Харуки Мураками...»

Увлеченный работой, Коля не заметил, как приоткрылась дверь и в комнату вошла мама.

Очнулся только от ее пронзительного, заглушившего жеманный голосок светской львицы крика:

– Сыночек! Пообещай мне! Чтобы по вечерам ты нигде не шатался!

Он с раздражением уставился на мать. Нелепая вечная «химия» на голове, очередная безразмерная кофта уродует стройную фигуру. Мама никогда его не понимала! Даже радовалась, когда он провалил экзамены на журфак МГУ. Ей казалось, что если нет денег на обучение – то сын перестанет мечтать о журналистике, станет как все. И устроится, как она и хотела, продавцом в магазин по соседству. Теперь, правда, о магазине уже не заговаривает.

Всем соседкам показывает его статьи, хвастается. В другом направлении завела пилораму: зачем тебе платный вуз, если тебя и так печатают. Бросай учиться, а на деньги мы ремонт лучше сделаем. И ведь объяснял же он ей, несколько раз объяснял, что не хочет всю жизнь с диктофоном за истеричными дурами бегать. О будущем надо думать, о перспективах получения руководящих должностей. А для этого образование надо, связи и авторитет. Хотя, если все получится так, как он задумал, успех и деньги могут прийти значительно раньше...

– Пообещай! – настаивала мама. – Никитку и Сашу убили! Ты представляешь! Пошла я мусор выносить, соседка говорит – мертвые, лежат «на высотках», милиция приехала. Народу собралось – тьма-тьмушая. Хотели милиционеры всех разогнать, да с толпой разве справишься. Правда, документы у каждого проверяли. Хорошо, что я с паспортом туда побегала, как чувствовала. А тех, у кого документов не было, в машину поволокли. Бедные Грековы! Я далеко стояла, не видать почти ничего. Говорят, из пистолета их застрелили. Коля! Ты меня слышишь?! Пообещай, чтобы по вечерам ни-ни, ни шагу во двор. Ты же видишь, что творится. Наверное, деньги у близнецов забрать хотели. Мальчишки не отдали, и их пристрелили. Зверье одно на улицах!

«Никитоса и Александра больше нет, – подумал Коля. У этих мыслей был какой-то горьковатый привкус. Но – приятный... – Их больше нет. Как странно. Вот и все. Нет тех самых Грековых... Они постоянно меня раздражали. Еще в школе. „Рыжий, рыжий, конопатый, убил дедушку лопатой“. Это всегда было обидно слышать. А уж когда в два голоса, хором... Я глазам своим не поверил, когда увидел их среди первокурсников. Да, они говорили, что тоже хотят стать журналистами. Но я и не сомневался – даже если им не хватит баллов в МГУ, дед поможет, пропихнет своих любимых внучков на бюджетное отделение. Одно дело – во дворе морали читать. И совершенно другое – родная кровь, дорогие внуки. Но, оказалось, и правда честный. Никитос и Александрос рассказывали, что даже деньги за обучение – вроде как одолженные, дед настаивает на их возвращении. На факультете они уже не дразнились. Но уж лучше бы по-прежнему обзывали рыжим. Это было бы не так противно, как то, что они натворили!»

– Да, мама. Обещаю. Успокойся. И иди спать, – Коля старался, чтобы его голос звучал спокойно. Хотя внутри все клокотало от ярости.

– А ты? Ты тоже ложись!

– Мам, мне завтра текст сдавать. А тут еще работы – конь не валялся.

– А толку! Что толку от этих гонораров больших! Ты работаешь, надрываешься, ночами не спишь. И все на обучение уходит. Ремонта дома десять лет не делали.

– Мам, – Коля криво улыбнулся. – Не начинай, пожалуйста. У меня очень глупая соседница, приходится полностью переписывать ее речь, и голова уже раскалывается. Потом поговорим, хорошо?

Поджав губы, мать удалилась.

Коля прислушался.

Звякает на кухне посуда. Льет в ванной вода. Так, теперь прошла к себе. Зевает. Акустика в их хрущевке – та еще. Но сейчас это очень кстати.

Легла!

Стараясь, чтобы не скрипнула разошедшаяся дверца старенького шкафа, Коля вытащил рюкзак.

Чистое белье, рубашка. Не забыть бы захватить бритвенные принадлежности из ванной!

Закончив складывать одежду, он посмотрел на лежащую под столом стопку книг и документов.

Брать их с собой? А смысл? У него нет ноутбука, работает на старой, туго соображающей машине. Писать все равно не получится, не потащишь же на дачу к Чернике эту бандуру...

Мать не проснулась, когда Коля осторожно вышел в коридор, надел куртку.

Еще минуту он стоял, прислушиваясь к звукам родного дома, запоминая его запахи, краски, все-все.

А потом едва слышно закрыл за собой дверь.

На даче Черники его никто не найдет. Девчонка не связана ни с институтом, ни с редакцией.

Никто ничего не узнает...

***3

Свершилось! Все получилось именно так, как и было задумано. Сергей Филимонов сделал ей предложение. Краснел, волновался. По лицу было видно: очень боялся отказа.

«Вот глупенький, – подумала Вика Корнеева, любясь сверкающим на пальце кольцом из белого золота с небольшим, но очень ярким изумрудом. – Как долго я на тебя охотилась. Думаешь, легко было изображать всю эту хозяйственную домовитость? Делать вид, что мне важнее всего – борщ сварить да пирожков с капустой налепить? А эта вечная уборка моей убогой, нищей съемной квартирки. От домашней работы сил уже никаких нет – а все равно в спальне такое шоу устраивала, Ким Бесинджер со своим стриптизом отдыхает. Но – все получилось! Виктория Филимонова. А что, пожалуй, звучит. Но дело не только в статусе замужней женщины, что к моим двадцати семи годам уже очень кстати, конечно. Я буду замужем за москвичом. Со своей квартирой! Девчонки, которые в Самаре остались, обзавидуются! Мало того, что с жилплощадью, так еще и молод, и красив! Я очень хочу ребенка. Иногда казалось: родила бы от первого встречного. Отличный парень встретился! Какая же я счастливая! Мои усилия вознаграждены. И скоро я обязательно стану мамой!»

...Она заприметила Сергея в первый же рабочий день. Хотя голова, конечно, кругом шла – кафе «В Габрово» на недостаток клиентов никогда не жаловалось. Да еще и перезнакомиться со всеми надо – с охранниками, менеджерами, другими девочками-официантками. И вот среди бестолковой спешки, нервозности, так некстати расплескавшегося на подносе дурацкого супа – он. Ни на что не обращающий внимания, уткнувшийся в газету.

Сердце замерло. «Как жаль, что не я обслуживаю его столик», – пронеслось в голове.

Вика работала, но глаза все время почему-то смотрели не на клиентов, которым надо улыбаться ради получения хороших чаевых. А на меланхолично расправлявшегося с ужином молодого мужчину.

Симпатичный, широкие плечи, удачная стрижка, отмечала Виктория. Что-то мальчишеское есть в этой непослушной, спадающей на глаза черной челке. Вот если бы родить ребеночка от такого! А обручального кольца-то на пальце, кстати, и не видно...

Как он расплатился и ушел, Вика не заметила, забирала на кухне заказ. Но в ярко освещенном зале кафе почему-то вдруг сразу стало темнее.

– Постоянный клиент, – толкнула ее, застывшую у выхода из кухни, официантка Вера. – И, кажется, холост. Лови момент!

«Вот глазастая, – обиделась Вика на наблюдательную коллегу. – До всего ей есть дело. Если тот красавчик и не женат, то, наверное, у него точно есть постоянная девушка. Ну а в кафе ужинает... Может, не принято так у них, у москвичей, чтобы жена у плиты убивалась. Вон, в программе Андрея Малахова такие семьи показывают. Жена не то что обед не готовит – живет отдельно. У богатых свои причуды».

Следующим вечером на кухню заскочила Вера и, размахивая пустым подносом, зашептала:

– Давай иди, твой явился – не запылится. Сейчас очередь Зои обслуживать, но ей в туалет только что приспичило. Да и зачем этой корове такой красавчик?! Давай, Викуля, не щелкай варежкой. Я себе нормального мужика в нашем кафе подцепила, и тебе повезет.

– Боязно мне, – призналась Вика. – Он такой симпатичный, что я и улыбнуться не смогу.

– Не улыбайся, – подбоченилась Вера и сдула выбившуюся на лоб из-под наколки светлую кудряшку. – Сиди тут как клуша. Станешь старенькой – на кухню пойдешь тарелки драить. Да не стой же ты, дурочка! Давай! Москва слезам не верит!

И все же она волновалась. Наливая в бокал минеральную воду, все пыталась поймать его взгляд, устремленный исключительно в газету.

– Хм. девушка! Ладно, мелочи. Это вода. Пятна не будет, но что обо мне подумают!

– Ой, – к щекам прихлынул жгучий стыд. – Простите, пожалуйста. Не знаю, как так получилось. Я недавно здесь работаю.

– Я заметил.

«Он! Меня! Заметил!» – пело сердце, и Вика про себя повторяла эту фразу весь вечер, и радость не меркла. Наоборот, все сильнее делалась.

Он улыбнулся на прощанье. Дал хорошие чаевые – и это несмотря на залитые минеральной водой брюки! И попросил обслужить его столик завтра! Он ее за-ме-тил!!!

То, что Сергей – человек со сложным характером, Вика поняла быстро.

На первом же свидании, в театре Ленком, мужчина весь спектакль смотрел не на сцену. И даже не на нее, Викторию. Пялился в блокнот, исчерченный какими-то стрелочками и кружочками, и хмурил темные брови.

Не рассказывает о своей работе. Пропадает иногда на несколько дней, и тогда до него нельзя даже дозвониться. Не приглашает ее к себе, предпочитает встречаться в ужасной съемной квартире с потрескавшейся, черной от старости ванной, скрипящей кроватью.

А что было до того, как они оказались на этой кровати! Ну анекдот, честное слово. В гости заходит. Скромненько пьет чай. Целует в щечку и уходит.

– Проверить надо. А вдруг он какой-нибудь бракованный? – безапелляционно заявила Верка, когда Вика, измучившись сомнениями, решила рассказать об этой деликатной проблеме. – Слушай сюда. Ужин – раз. Коньяк – два. Бельишко кружевное три. Ты его накорми, подпой. А потом попроси плечики помассировать. Халатик на тебе должен быть с завязками. Но ты их специально не завязывай. Так, запахни, но не завязывай, сечешь? Он плечи массирует. Халат падает. Если и после этого ничего – гони в шею. Все поняла?

– Все, – давась от хохота, простонала Вика. – Мне кажется, что если хоть часть твоих советов выполнить, Сергей сбежит и никогда не вернется.

– Ну и пусть катится колбаской. Что, мужиков мало? Я себе приличного в нашем кафе отхватила, и тебе присмотрим. Ты, главное, не бойсь, – заталкивая под наколку непослушные белые кудряшки, подмигнула Вера.

Выполнять советы подруги, Вика эта интуитивно понимала, не следует. Собственных идей, как затащить Сергея в постель, у нее не было. Поэтому все свидания проходили по одному и тому же плану: театр, чашка чая, дружеский поцелуй в щеку. А потом она как-то замечталась под теплыми струями душа о том, как это могло бы случиться. Глянула на часы и обомлела: за ней должны приехать с минуты на минуту, а она все моется, курица. Вот, точно же, мокрая курица!

Вика выскочила из ванной, на ходу вытираясь, помчалась к гардеробу и врезалась со всей дури во что-то в полутемном коридоре.

– Полегче на поворотах. Дверь надо закрывать, девушка, – дрогнувшим голосом пробормотал Сергей. – Марш одеваться, потому что еще минута, и... Иди ко мне, быстро!

«Я думала, будет счастье, – думала Вика, когда Сергей уснул, а она бросилась к телефону, умирая от желания обо всем рассказать Верке. – А оказалось не такое, чтоб очень счастье. Сергей сильный, ненасытный. Но грубый, совершенно не нежный».

– Алло, – сонно отозвалась подруга. И, услышав новость, восхищенно воскликнула: – Ой, ну неужели?!

– Ага. Но ты знаешь, Сергей... Он, наверное, думает, что я больная.

– Я всегда говорила, что ты больная. А в чем дело?

– Вер, понимаешь... Он пользуется презервативами. А я хочу ребенка. Даже если он меня замуж не возьмет, мне все равно. Я его люблю. И он такой красивый. Нормальных мужиков, что бы ты ни говорила, сейчас мало. Я хочу ребенка от Сергея. Но эти презервативы. И он не целует меня, вообще, представляешь?

– Слушай, не парься, и...

Что еще хотела сказать подруга, Вика так и не узнала. Сначала исчез уверенный голосок в трубке. А потом по шее нежно, легко и дразняще заскользили губы.

«Блин, он все слышал», – подумала Вика. А потом думать больше не получалось.

Та же постель. Но в ней – словно другой мужчина, идеальный любовник. Правда, все равно как-то незаметно успевающий позаботиться о контрацепции.

«Он старый холостяк, – решила Виктория. – Может, обжигался пару раз. Теперь на воду дует. Не беда, перевоспитаем, приручим».

Ей очень нравился Сергей. И очень хотелось выйти за него замуж. Отличный отец для ее будущего ребенка, просто отличный! А странности, недостатки... они есть у всех, всегда. Все равно с чем-то приходится смириться, считаться. Главное – чтобы это хотелось делать. А Вике – безумно хотелось.

...Она бросила последний взгляд на кольцо. И вздохнула.

Конечно, не так ей представлялся этот вечер, после того, как Сергей сказал самые главные слова. Пойти бы в хороший ресторан, выпить шампанского. А разве много веских поводов в жизни? Да раз-два и обчелся!

Но он сказал, что ему надо на работу. И попросил приготовить ужин. Для Виктории, мигом успевшей перевезти в его квартиру несколько вечерних платьев и – особый предмет гордости – настоящие итальянские босоножки, украшенные стразами, – это было не самым приятным сюрпризом.

«Ладно, в ресторан можно и завтра сходить, – подумала Вика и распахнула холодильник. – Будем продолжать прокладывать путь к сердцу любимого мужчины. А он, как известно, лежит через желудок. И здесь для меня нет никаких тайн. Уж что-что, а пристрастия Сергея в еде я знаю. Картошечка, жареное мясо. И милый просто счастлив!»

Она успела переделать кучу дел. Сбегать в супермаркет за молодым картофелем, нажать целую гору отбивных из свинины с золотистой корочкой. Настрогать миску салата.

Будущего мужа все не было.

На медитацию перед телевизором, где шло шоу нежно любимого Викой Андрея Малахова, которое сменил сериал про Катю Пушкареву, ушло еще несколько часов. Потом она с горя наелась картошки с мясом. Затем позвонила Верке и долго жаловалась на жизнь.

– Терпи, дорогая, – решительно сказала Вера. – Не пугай его. Скандалы потом закатывать будешь, после росписи. Колечко – это, конечно, прекрасно. Но гарантий не дает. А вдруг соскочит. Так что терпи, корми получше и за собой следи.

– Хорошо, – уныло пробормотала Виктория и потащилась в ванную. Как и было обещано подруге – следить за своей красотой.

Отражение в зеркале ее, в общем и целом, порадовало. Конечно, с ее 46-м размером одежды картошку с мясом на ночь лопать не следует. Не успеешь оглянуться, из 46-го станет

48-й. А потом 50-й. И все, жизнь закончится. Сергей к любителям пышных форм не относится. Ну да от одного разика она особо не поправится, наверное.

Лицо в порядке. С глазищами ей повезло – огромные, голубые. Единственная морщинка на лбу замаскирована русой челкой. Нет ее, морщинки. А чтобы совсем, ну вот просто совсем ее не было, надо не лениться наносить на лицо крем.

Она укладывалась в постель с твердым намерением – просто полежать. Дождаться мужа. Ах, слово-то какое – мужа! Вот, дождаться, накормить. А потом... Интересно, будут ли стучать в стену соседи в самый неподходящий момент? В ее съемном скворечнике было дело, стучали, да еще как...

Она проснулась от чьих-то приглушенных голосов. Электронные часы в сиреновом полумраке высвечивали зелененькие цифры: 4:30.

Вика с трудом сдержала стон. Вот это номер! Они еще даже не женаты, а Сергей уже является под утро. Но Верка права: скандалы закатывать рано.

– Пошли в зал.

– Тише ты, там Вика!

– Это та девица из кафе с небольшой грудью?

«Вот Рахманько, вот скотина, – подумала Виктория, узнав голос приятеля Сергея. – Фигушки ты у меня еще в кафе получишь сочную котлету по-киевски. Самые пережаренные тебе таскать буду!»

– Это та девушка, которая сегодня согласилась стать моей женой. А грудь, Коля, – это то, что помещается в ладонь. Все остальное – уже сиськи. Пошли на кухню, – тихо сказал Сергей.

Вика мигом выскользнула из постели, приоткрыла дверь в зал. И приложила ухо к щели.

Хлопнула дверца холодильника. Через минуту раздалось характерное дзиньканье.

– Давай, Сереж. Помянем внуков Федора Борисовича, – сказал Николай. – Блин, как жалко мужика. Такая беда. Он с ребятней этой столько возился. Наверное, им лет семь, не больше было, когда их отец в автокатастрофе погиб?

– Кажется, да. Мать потом замуж второй раз выскочила. Можно сказать, что Борисович мальцов вырастил. На ноги поставил. Слушай, а что за бумаги исчезли? Ты мне толком так и не рассказал. Хотя не до бесед, конечно, было. До сих пор не по себе от того, что на этой стройке увидел.

– Короче, Скифософский, докладываю. Пока ты делал предложение, а мы с пацанами собирались чиркнуть по сто граммов за прекращение шпионской деятельности господина Польшинского, мне позвонил Федор Борисович. И ровным голосом сообщил, что Сашку с Никитой убили. И что он уже в реанимации. Я выпал в осадок, когда понял, что произошло. Выдержка у Грекова та еще, надо сказать. Поехал к нему, он весь капельницами обмотан, чуть дышит. Сказал, что из сейфа исчезли бумаги. Код там простой был, наверное, близнецы его как-то подсмотрели. А он и не прятался особо. В родном доме чего опасаться. Думал, взрослые уже, все понимают.

– Он что, служебную информацию дома хранил? Зная Борисовича – не верю.

– Да не оперативную! Там находились данные по негласному сотрудничеству с органами. Это еще в начале перестройки было. Как убрали памятник Феликсу с Лубянки и пошел накат на нашу контору, он решил перестраховаться. Мало ли что, начнется охота на ведьм. Жизнь многим людям испортят. Через одного же все стучали. И вот он личные дела тех, с кем работал, вывоз. Потом все устаканилось, а руки сдать материалы в архив не доходили. Но пропали не карточки.

– А что?

– Там был какой-то зашифрованный документ.

– Зашифрованный документ? Постой, ты уверен? Ничего не путаешь?

«Надо же, прям голос дрогнул, – подумала Вика, переминаясь с ноги на ногу. Мужчины явно открыли окно, и стоять босиком было холодно. – Никогда не слышала, чтобы Сергей с таким волнением говорил».

– Да не путаю я ничего! Так вот, Федор Борисович просил перестраховаться и попробовать бумагу эту у ментов выцапать. Честь мундира, сам понимаешь. Но следак упертый попался. Не повезло, да?

– Ага. Знаешь, я так сразу и не понял, что за записку ты пытался забрать... Но зачем близнецам какие-то старые документы?

– Из-за «бабок». Борисович их в строгости держал. Вот и додержался, между нами говоря. Молодежь-то сейчас другая. Ей принципы старого поколения до лампочки.

– Слушай, а как бы это дело забрать? Если, как ты говоришь, из-за бабок. Если дети хотели толкнуть кому-то конфиденциальную информацию. Это ж какой позор! Журналистам только подкинь идею. С грязью смешают. А у Федора Борисовича авторитет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.